Для редакціи
Редакціи журнала „Былое"
ГЖ135
Г275
Гартъ
X
РЕДАКЦІЯ ЖУРНАЛА БЫЛОЕ

Революція
и
наши партіи.

МОНАРХИСТЫ-РЕАКЦІОНЕРЫ,
КОНСТИТУЦІОНАЛИСТЫ-ДЕМОКРАТЫ,
СОЦІАЛЪ-ДЕМОКРАТЫ:
Меньшевики,
Большевики.
СОЦІАЛИСТЫ РЕВОЛЮЦІОНЕРЫ:
Централисты,
Максималисты.
ИТОГИ и ВЫВОДЫ.

ГЖ135
Г 275

Гартз

РЕВОЛЮЦІЯ И НАШИ ПАРТІИ.

МОСКВА.—1907.
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА.
ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., ДОМЪ № 5.

К.
1984 П

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

ГЖ135 р
Г275

БИБЛ...
ИМЭЛ

481/30 . 58339

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
I. Что такое революція?	5
II. Реакціонеры-монархисты	8
III. Конституціонал.-демократы	20
IV. Активные революціонеры	39
V. Соціалъ-демократы	40
VI. Соц.-дем. меньшевики	48
VII. Соц.-дем. большевики	54
VIII. Соц.-революціонеры	59
IX. Тактика соц.-революціонеровъ	65
X. Соц.-рев. максималисты	67
XI. Итоги	72

I.

Въ Россіи революція. Это ясно и съ этимъ теперь всѣ уже согласны, даже „Московскія Вѣдомости“.

Не бунтъ, не отдѣльныя вспышки, порожденныя тѣмъ или другимъ частнымъ недовольствомъ, а революція, направленная противъ самыхъ основъ того политическаго строя, которымъ столько вѣковъ держалась Россія.

Отличительнымъ признакомъ революціи, говоритъ Каутскій, является „завоеваніе государственной власти угнетеннымъ до того классомъ“.

Это завоеваніе вовсе не должно непремѣнно сопровождаться кровопролитными схватками и разгромами разныхъ Бастилій: неизбѣжно присущій ему элементъ насилія, попранія прежняго права можетъ проявиться и въ сухихъ юридическихъ актахъ, исходящихъ хотя бы и отъ старой государственной власти, но уничтожающихъ старыя соціальныя и политическія отношенія, на которыхъ она до того опиралась. Ихъ изданіе свидѣтельствуетъ, что отнынѣ власть перешла къ новымъ классамъ, интересы которыхъ требуютъ новыхъ соціальныхъ и политическихъ отношеній.

Такой переходъ не слѣдуетъ, конечно, понимать буквально. Государственная власть въ лицѣ своихъ представителей образуетъ самодовлѣющую корпорацію, имѣющую свои собственные частные интересы и способную изъ за нихъ на всякія метаморфозы, если того потребуетъ сознанная ею необходимость порвать со старымъ строемъ и перейти къ обслуживанію новаго.

Поэтому самый механизмъ власти можетъ, вообще говоря, остаться прежній, но заводить и двигать его будутъ теперь другія силы, другіе производственные и идеологическіе факторы.

Русскіе политическій и соціальный строй въ томъ чистомъ видѣ, какимъ его создалъ Московскій періодъ, характеризуется закрѣпощеніемъ личности государственностью. Человѣкъ самъ-по-себѣ ничто. Онъ живетъ только для того чтобы исполнять свои обязанности по отношенію къ государству. Въ зависимости отъ своего положенія, человѣкъ долженъ или работать на помѣщика, чтобы тотъ могъ исполнять царскую службу, или торговать, чтобы приносить доходъ царской казнѣ, и т. д. Религія освящаетъ этотъ строй, создавая изъ служенія ему нравственный долгъ.

Того требовали условія того времени—иначе нельзя было сохранить и вести государственный корабль; личность сознавала это и покорялась, и между государственной властью и народомъ не было никакого разлада.

Въ Петербургскій періодъ прежнее поглощеніе личности государственностью постепенно выродилось въ такое же полное подчиненіе ея „начальству“, т.-е. представителямъ полицейски-бюрократическаго строя, ставшаго подъ-конецъ преслѣдовать исключительно свои личныя кастовыя цѣли.

Интересы государственности лишь настолько признавались господствующей бюрократіей, насколько они совпадали съ ея собственными интересами. Она заботилась о внѣшнемъ порядкѣ, о пополненіи казны, о военномъ могуществѣ, но пренебрегала народнымъ благосостояніемъ и даже систематически тормозила народное просвѣщеніе, хотя исторія уже давно доказала, что безъ него нѣтъ въ государствѣ ни настоящаго порядка, ни здоровыхъ финансовъ, ни хорошихъ солдатъ; но просвѣщенный народъ не сталъ бы мириться съ своимъ угнетеніемъ, не снесъ бы безправія, и бюрократія предпочитала держать его во тьмѣ и связанной съ ней нищетѣ и безпомощности.

Такимъ же характеромъ было запечатлѣно отношеніе бюрократіи и ко всѣмъ прочимъ классамъ населенія. Каждый классъ интересуетъ ее лишь въ той мѣрѣ, въ какой его дѣятельность можетъ быть полезной для сохраненія и укрѣпленія существующей въ странѣ государственности, обезпечивающей ей такое благополучіе.

Въ зависимости отъ того, что въ данный моментъ бюрократія считаетъ болѣе важнымъ въ своихъ интересахъ, мѣняется за послѣднія 20 лѣтъ вся внутренняя политика Россійскаго государства. Бюрократія начала съ усиленнаго покровительства дворянамъ - помѣщикамъ, какъ испытаннымъ 40 тысячамъ полицейместеровъ, способныхъ обезпечить ей зашатавшійся внутренній порядокъ. Когда съ этой стороны нечего было больше опасаться, бюрократія съ такимъ же рвеніемъ принялась за поощреніе своихъ и иностранныхъ капиталистовъ, чтобы создать крупную промышленность и такимъ путемъ спасти свою казну отъ угрожавшаго банкротства. Когда же развившаяся промышленность породила многочисленный быстро растущій пролетаріатъ, то оторопѣвшая бюрократія не остановилась даже передъ заигрываніемъ съ самымъ настоящимъ соціализмомъ и, въ доказательство своей готовности перетвориться въ соціальную монархію, стала черезъ посредство своихъ „соціалъ - шпіоновъ“ натравливать рабочихъ на хозяевъ и организовать стачки вплоть даже до всеобщей, какъ одесская 1903 года. Бюрократія, такимъ образомъ, сама возбуждала столь опасную для истиннаго государственнаго порядка взаимную вражду классовъ и причиняла громадные убытки промышленности страны—лишь бы только поддержать свой полицейскій порядокъ, къ чему подъ-конецъ стала сводиться вся политика бюрократіи.

Съ полнымъ правомъ можно поэтому сказать о нашей бюрократіи, что она стоитъ совершенно внѣ существующихъ въ странѣ классовъ, образуя, вмѣстѣ съ обступившими тронъ отдѣльными собственниками, совершенно обособленный классъ, интересамъ котораго приносятся въ жертву интересы страны.

Такимъ образомъ, слѣдуя схемѣ Каутскаго, угнетеннымъ классомъ является у насъ весь пробудившійся народъ, и „завоеваніе власти“, завоеваніе народомъ права заводить и двигать свой государственный механизмъ проходитъ красной чертой черезъ все русское движеніе послѣднихъ лѣтъ, и въ его цѣломъ и въ его частностяхъ.

Въ деревнѣ и на фабрикѣ, въ гимназіи и казармѣ— всюду, гдѣ пробуждается и рвется революціонный протестъ, онъ порождается этой борьбой за власть, т.-е. противъ власти.

И всѣ эти отдѣльныя струйки сливаются въ одномъ общемъ потокѣ, направленномъ противъ деспотической власти полицейски-бюрократическаго строя, въ которой берутъ начало всѣ тѣ старыя власти, которымъ объявила войну новая Россія.

И поэтому то, что совершается за послѣдніе годы у насъ въ Россіи, требующіе свободы многотысячные митинги, протестующія резолюціи партій и обществъ, демонстративныя стачки и бойкоты, вооруженныя возстанія гарнизоновъ и экипажей, даже такія уродливыя проявленія борьбы, какъ нападеніе изъ-за угла и динамитные взрывы, — словомъ все то, что составляло за это время содержаніе нашей политической жизни, все это называется революціей.

Каковы же цѣли нашей революціи? Во имя чего народъ добивается политической власти? Каковы тѣ внутреннія силы, которыя вывели его изъ состоянія равновѣсія и вызвали все возрастающее движеніе? Къ чему оно можетъ и должно привести?

Брошюра, предлагаемая благосклонному вниманію читателя, посвящена обзору отвѣтовъ, даваемыхъ на эти вопросы нашими важнѣйшими политическими партіями.

II.

Нашъ обзоръ мы начнемъ справа, съ самого г. Грингмута и руководимой имъ Монархической партіи.

Кромѣ г. Грингмута, правое крыло украшается еще цѣлой фалангой истинно-русскихъ дѣятелей, имѣющихъ чуть ли не каждый собственную партію и собственную программу для спасенія отечества,—Кружокъ Москвичей, Общество Патріотовъ, Союзъ Русскаго Народа и т. д. и т. д.

Но несмотря на такое обиліе партій и программъ, несмотря даже на то, что г. Грингмутъ рѣшительно возстаетъ противъ какой бы то ни было Думы, какъ потачки крамолѣ, и видитъ свѣтъ лишь въ сугубыхъ скорпіонахъ и всероссійской диктатурѣ, а анонимный редакторъ знаменитаго „Вѣча“ вкупѣ съ кн. Щербатовымъ соглашаются на чисто-совѣщательную и потому учтивую Думу, а г. Шараповъ видитъ спасеніе только въ Земскомъ Соборѣ и неограниченной свободѣ печатанія кредитокъ,—несмотря на такое разногласіе, всѣ правыя партіи, какъ того и слѣдовало ожидать, характеризуются однимъ общимъ сознательнымъ или безсознательнымъ стремленіемъ сохранить старую власть во всей ея неприкосновенности.

Правда, г. Грингмутъ любитъ говорить о своей „самой страстной ненависти“ къ бюрократіи и на семъ основаніи объявляетъ себя не только „истинно-русскимъ“ сыномъ своего отечества, но и еще единственно истиннымъ революціонеромъ, ибо всѣ прочіе революціонеры, отъ „кадетовъ“ до „эсъ-эровъ“, въ сущности являются лжереволюціонерами, такъ какъ дѣйствуютъ заодно съ бюрократіей для „эскамотажа самодержавія“; и только онъ, Грингмутъ, и всѣ, иже съ нимъ, дѣйствительно хотятъ въ конецъ уничтожить бюрократію и возстановить истинную Монархію.

Но несмотря на такую революціонность, Грингмутъ, какъ извѣстно, попрежнему состоитъ арендаторомъ „Московскихъ Вѣдомостей“ и продолжаетъ пользоваться разными другими милостями правящей бюрократіи—и это вполнѣ по заслугамъ.

Дѣло въ томъ, что г. Грингмутъ слишкомъ далекъ отъ мысли дѣйствительно объявить „революцію“ всей

бюрократіи, какъ государственной системѣ; непочтительное словечко „бюрократія“ употребляется имъ лишь примѣнительно къ гр. С. Ю Витте, кн. Святополку и другимъ представителямъ „эскамотажа“. Всѣ же прочіе вершители россійскихъ судебъ, если только они стоятъ за сохраненіе старой власти во всей ея полнотѣ, именуются *Правительствомъ*, преданность которому г. Грингмута, конечно, внѣ всякихъ сомнѣній.

Признаніе кн. Щербатовымъ Думы только какъ совѣщательнаго, лишеннаго всякой самостоятельной политической власти, органа, само говоритъ за себя, то и требованіе Земскаго Собора тоже не должно никого вводить въ заблужденіе насчетъ своей истинной подкладки.

Г. Шараповъ предпочитаетъ Земскій Соборъ Думѣ потому, что все еще продолжаетъ вѣрить, что Земскій Соборъ, какъ построенный на истинно-русскомъ сословномъ началѣ и состоящій исключительно изъ коренныхъ русскихъ людей, непремѣнно долженъ высказаться противъ революціи и за сохраненіе стараго строя, скрасивъ его лишь устройствомъ „самоуправляющагося“ прихода и разными другими необидными для начальства заплатами.

И въ этотъ обязательный консерватизмъ Земскаго Собора г. Шараповъ вѣритъ такъ же крѣпко, какъ вѣрилъ минувшей зимой, что народъ или останется совершенно равнодушенъ къ созыву Думы, и выборы пройдутъ при полномъ его безучастіи, или же пошлетъ въ Думу отъявленнѣйшихъ „черносотенцевъ“.

Когда эти сладкія иллюзіи были безжалостно разбиты дѣйствительностью, г. Шараповъ порѣшилъ, что это опять напакостили евреи и интиллигенты, для которыхъ въ Земскомъ Соборѣ не найдется мѣста, почему нашъ публицистъ и возлагаетъ на него всѣ свои упованія.

„Быть не можетъ, чтобы Земскій Соборъ, съ настоящими мужичками отъ сохи, длиннобородыми купцами и столбовыми дворянами, вдругъ взялъ бы да и пошелъ противъ законной власти“!

Это постоянное тяготѣніе къ старому строю съ его

полновластной бюрократіей опредѣляетъ и взгляды нашихъ правыхъ партій на революцію и ея причины.

Эти взгляды, какъ и всѣ теоретическія положенія, совершенно совпадаютъ и у Монархической партіи и у Союза Русскаго Народа, и поэтому въ дальнѣйшемъ мы не будемъ больше отдѣлять г. Шарапова отъ г. Грингмута и будемъ говорить о реакціонной партіи вообще.

Въ революціи реакціонеры видятъ прежде всего губительное для бюрократіи стремленіе къ захвату ея власти; и какъ бюрократія въ своемъ управленіи государствомъ руководствуется исключительно интересами своей касты, такъ и ея защитники сводятъ всю революцію къ чисто-личной борьбѣ интересовъ: легкомысленные интеллигенты захотѣли политической власти и въ союзѣ съ евреями стали бунтовать народъ, обольщая его разными несбыточными бреднями.

Этотъ трафаретъ составленъ нашимъ реакціонеромъ еще М. Н. Катковымъ; только, вмѣсто фигурировавшей у него знаменитой „польской интриги“, теперь вставленъ „жидовскій кагалъ“, съ его адскими замыслами, что еще эффектнѣе.

Въ зависимости отъ сезона и личныхъ вкусовъ, къ интеллигенту и жиду еще прибавляется таинственный масонъ, коварная „англичанка“, все еще злобствующій японецъ и т. д.

Но лучше всѣхъ вывозитъ „жидъ“. Вмѣстѣ съ крамольникомъ-интеллигентомъ онъ загарцовалъ даже на столбцахъ органа г. Грингмута, прежде тонко замалчивавшаго еврейскій вопросъ, чтобы не вызывать кой-какихъ вспоминаній...

„Всѣ революціонеры—жиды, и всѣ жиды—революціонеры“. Это они и послушные имъ интеллигенты подняли всю смуту. Это они подстрекаютъ мужика жечь помѣщика и устраивать стачки подъ предлогомъ, будто у него мало земли. Это они внушаютъ ему, что Богомъ поставленная власть, начиная отъ урядника и кончая губернаторомъ, никуда не годится и что ее нужно вонъ.

Это они изъ нашего несчастнаго фабричнаго сдѣлали вѣчно бунтующаго забастовщика и барикадчика. И отсюда мораль: хотите сразу положить конецъ всякимъ революціямъ—разгромите жидовъ и расточите интеллигентовъ, земцевъ и всякихъ иныхъ.

Не будь ихъ, все было бы хорошо. Мужичокъ бы попрежнему слушался начальства и прилежно бы работалъ на помѣщика, вѣря попу, что это его жизненная задача. Даже фабричный, несмотря на развратъ, вселяемый въ него легкой работой и высокой платой, все-таки сохранилъ бы образъ и подобіе истинно-русскаго человѣка: газеты употреблялъ бы только на цыгарки и досуги свои проводилъ не какъ теперь, на митингахъ, а въ кабакахъ, какъ это и свойственно его состоянію, и, такимъ образомъ, ни за что не превратился бы въ какого-то западноевропейскаго пролетарія, добивающагося, по слѣдамъ жидовъ разныхъ политическихъ правъ. При такихъ мужичкѣ и рабочемъ всѣмъ прочимъ обывателямъ оставалось бы только служить молебны и подносить пироги благодѣтельному начальству, и не было бы у насъ никакой крамолы; были бы мы могучи и на сушѣ и на морѣ и трепетали бы передъ нами всѣ Европы съ ихъ гнилыми конституціями. Но, на бѣду нашу, наслалъ на насъ дьяволъ жида и покорствующаго ему интеллигента и т. д. и т. д.

И, какъ сказано, реакціонныя партіи дѣйствительно вѣруютъ въ эту нехитрую теорію. Онѣ органически не способны понять, что революція не можетъ дѣлаться въ Бердичевѣ, какъ Поприщинская луна въ Гамбургѣ. Имъ какъ-будто даже не приходило въ голову то простое соображеніе, что и жидъ и интеллигентъ существуютъ на Руси уже давно и, какъ таковые, всегда строили ковы бюрократическому всевластью; при чемъ еще 30 лѣтъ тому назадъ орудовалъ и все-таки довольно ощутительно одинъ интеллигентъ безъ темнаго тогда жида.

Недостатка въ интеллигентскихъ революціонныхъ организаціяхъ въ Россіи, такимъ образомъ, никогда не было, а все-таки народъ оставался къ нимъ со-

вершенно безучастнымъ и заворочался только за послѣдніе 2 года, заворочался стихійно и несуразно, своими повсемѣстными неорганизованными выступленіями совершенно исключая всякую мысль о постороннемъ планомѣрномъ руководствѣ. Чтобы поднять 140-милліонную массу, съ ея 70% неграмотнаго темнаго населенія, слишкомъ недостаточно одной доброй на то воли интеллигентовъ и жидовъ, къ тому же, по теоріи реакціонеровъ, совершенно чуждыхъ и непонятныхъ народу. Однѣми спичками, безъ соотвѣтствующаго количества горючаго матеріала, не вызвать такого громаднаго всероссійскаго пожара.

Впрочемъ, иногда и у реакціонеровъ бываютъ своеобразныя «свѣтлыя» минуты, когда они какъ-будто что-то начинаютъ понимать; такъ, на послѣднемъ московскомъ съѣздѣ «истинно-русскихъ» людей знаменитый черный доцентъ Б. В. Никольскій развилъ довольно оригинальный взглядъ на сущность русской революціи:

Русская революція вызвана капитализмомъ. Капитализмъ домогается разныхъ нужныхъ ему политическихъ свободъ и, встрѣчая противодѣйствіе въ незатронутой имъ народной цѣлинѣ, систематически дезорганизуетъ страну разными соціализмами, забастовками и возстаніями. Отсюда смута; но ей въ свое время, какъ и всюду, долженъ придти конецъ.

„Явится храбрый генералъ и желѣзной рукой наведетъ порядокъ. Это будетъ революція противъ капитализма, и, можетъ-быть, наши потомки увидятъ такія же развалины фабрикъ, какія развалины рыцарскихъ замковъ мы видимъ теперь по Рейну... Наша революція дешевле пятишести милліоновъ русскихъ людей намъ не обойдется, кромѣ евреевъ, рѣзня которыхъ будетъ поистинѣ ужасна“.

Если же такого генерала у насъ не окажется, то, по словамъ другого оратора съѣзда, дворянина Павлова, смута неизбѣжно перейдетъ въ поголовщину на соціальной почвѣ, а это вызоветъ иностранное вмѣшательство. Императоръ

Вильгельмъ никогда не потерпитъ, чтобы въ сосѣдней Россіи восторжествовали соціалистическія начала. Его войска вторгнутся въ Россію и водворятъ порядокъ.

Нужно замѣтить, что спекуляція на вооруженное вмѣшательство иностранныхъ державъ вообще очень популярно среди нашихъ «истинно-русскихъ» людей. Передъ роспускомъ Думы имъ угрожала даже оффиціозная «Россія». Что сказать о такой тактикѣ? Если даже кадетскія старанія вызвать дипломатическое чисто-моральное вмѣшательство иностранныхъ державъ въ русскія дѣла вызвали вполнѣ заслуженное порицаніе благомыслящихъ людей, то какъ слѣдуетъ заклеймить эти постоянныя угрозы реакціонеровъ затопить родину полками Императора Вильгельма, которые «ужъ не станутъ церемониться съ бунтовщиками?» Это бросаетъ яркій свѣтъ на ихъ отчужденность отъ дѣйствительнаго русскаго народа. Никогда истинно-народная партія не станетъ призывать нашествія чужеземцевъ и тѣмъ ставить на карту самое существованіе родины. Реакціонеры возразятъ на это, что при торжествѣ революціи и выдвинутыхъ ею новыхъ политическихъ началъ Россія, все равно, должна погибнуть. Россія можетъ существовать только подъ полновластной бюрократіей.

Пусть старый строй и имѣетъ свои недостатки, но онъ единственно возможная для Россіи форма государственности, внѣ которой развалъ и анархія.

Это послѣднее мнѣніе очень популярно среди извѣстныхъ слоевъ и является главнымъ козыремъ реакціонеровъ, часто привлекающимъ въ ихъ ряды, дѣйствительно болѣющихъ душой за родину простыхъ русскихъ людей и поэтому мы на немъ остановимся.

Доказывая невозможность для русскаго народа жить новымъ политическимъ строемъ, реакціонеры обыкновенно указываютъ на терзающую страну неурядицу, не только не прекратившуюся послѣ возвѣщенныхъ 17 октября гражданскихъ свободъ, но даже усиливающуюся и принимающую острый затяжный характеръ. Но значитель-

ную долю отвѣтственности за смуту послѣ 17 октября слѣдуетъ возложить на макіавеллистическую политику нашей бюрократіи систематически провоцировавшей ее въ своихъ видахъ:—осенью 1905 года разсчитаннымъ попустительствомъ, чтобы разрядить ее въ открытое возстаніе, весною и лѣтомъ 1906 года—созывомъ Думы, заранѣе обреченной на одни разговоры.

Другой излюбленный аргументъ реакціонеровъ—указаніе на то, что при новомъ строѣ Россію заѣдятъ инородцы. Это соображеніе повторяется такъ часто и съ такимъ апломбомъ, что кажется дѣйствительно серьезнымъ и имѣющимъ свои основанія, а между тѣмъ это явная насмѣшка и надъ логикой и надъ здравымъ смысломъ.

Эту свободную просвѣщенную Россію заѣдятъ инородцы, а теперешняя темная безпомощная Россія напротивъ того, сама питается вкусными инородцами!

Дѣйствительно, на улицахъ въ Варшавѣ и Ригѣ вывѣски должны быть непремѣнно на русскомъ языкѣ и всѣ чиновники тамъ обязательно русскіе или перекрещенные. Но въ Москвѣ и Петербургѣ, на Дону и на Кавказѣ, на Волгѣ и въ Сибири почти вся крупная торговля и промышленность въ рукахъ нѣмцевъ, евреевъ, поляковъ, только не русскихъ. Они же преобладаютъ и въ администраціи и въ войскѣ и даже въ Союзѣ Русскаго Народа.

Конечно, «обрусеніе» Польши отъ Остзейскаго края было очень выгодно господствующей бюрократіи—тамъ освободилась такая масса тепленькихъ мѣстечекъ, но русскій народъ вѣдь право вовсе не такъ сильно заинтересованъ въ языкѣ варшавскихъ и рижскихъ вывѣсокъ и карьерахъ разныхъ окраинныхъ ташкентцевъ. Онъ предпочелъ бы лучше имѣть побольше школъ и побольше настоящаго порядка у себя, чтобы самому эксплоатировать свои богатства, чтобы самому управлять своими дѣлами.

Но каждая лишняя школа, каждый просвѣтъ правового

порядка въ мракѣ русской обывательской жизни подрываетъ самую основу бюрократическаго строя. И наша „истинно-русская, національная“ бюрократія, предпочитаетъ заводить школы и порядки у инородцевъ, для ихъ „обрусенія“; и такимъ образомъ, на Западныхъ окраинахъ уже почти достигнуто всеобщее образованіе, а въ центральныхъ губерніяхъ, черезъ первоначальную школу и теперь проходитъ всего треть общаго числа дѣтей.

Нужно ли доказывать, что когда самъ народъ въ лицѣ своихъ представителей будетъ управлять государствомъ, то онъ на первомъ планѣ поставитъ поднятіе своего культурнаго уровня и теперешнее преобладаніе инородцевъ во всѣхъ сферахъ жизни не будетъ больше имѣть мѣста.

Реакціонеры говорятъ еще о „политической незрѣлости“ нашей интеллигенціи, выражающейся въ ея увлеченіи крайними утопическими теоріями, о ея неспособности поэтому вести и направлять государственный корабль. Эта „незрѣлость“ русской интеллигенціи создалась чисто искусственнымъ путемъ, какъ результатъ полной отрѣшенности отъ государственной жизни, на которую ее обрекалъ бюрократическій деспотизмъ стараго строя.

Отсюда ея любовь къ красивымъ абстрактнымъ теоріямъ, преклоненіе предъ прямолинейными императивами правды-справедливости и нежеланіе приспособлять ихъ къ реальнымъ требованіямъ момента. Но какъ „поэты и мечтатели“, которыми были нѣмецкіе интеллигенты при господствѣ у нихъ абсолютизма, съумѣли выдвинуть теперешнихъ трезвѣйшихъ въ мірѣ политиковъ, такъ и русская интеллигенція съумѣетъ отрѣшиться отъ своихъ тепличныхъ понятій на свѣжемъ воздухѣ свободной государственности.

Если даже недавняя турецкая „райя“, Сербія и Болгарія съумѣли послѣ десятилѣтія политическихъ передрягъ установить извѣстный порядокъ и устойчивый конституціонализмъ, то ужъ великорусская народность,

всегда тяготѣвшая къ прочной государственности, безъ всякаго сомнѣнія справится съ разрѣшенной всѣми европейскими народами задачей—сочетать свободу и прочный порядокъ.

Съумѣетъ—хотя бы только по одному тому, что это единственный исходъ изъ переживаемой страной разрушительной смуты. Вѣдь о возвращеніи къ старому строю, нельзя и говорить серьезно. Неумолимая исторія послѣднихъ лѣтъ, сорвала съ него послѣднія, скрашивавшія его пленки иллюзіи, идейнаго освященія. Старый строй—это просто на просто полное подчиненіе 150-ти милліоннаго народа всемогущей, прикрывающейся именемъ царя бюрократіи (начальству), часто своекорыстной и никогда не преслѣдующей истинныхъ интересовъ народа, хотя бы уже потому, что это было бы для нея равносильно самоубійству.

Такой строй можетъ существовать только при невѣжествѣ и забитости громаднаго большинства населенія, и бюрократія стала это сознавать еще при Александрѣ I. Уже тогда она увидѣла въ народномъ образованіи враждебную себѣ силу, направленную противъ самыхъ основъ ея власти—и вся послѣдующая внутренняя исторія Россіи заполнена этой борьбой бюрократіи съ народнымъ образованіемъ, борьбой, не всегда даже прикрывавшейся заявленіемъ, что бюрократія не хочетъ только допустить проникновенія въ народъ интеллигентскаго разврата, а къ народному образованію питаетъ самыя нѣжныя чувства: со свойственной имъ откровенностью „Московскія Вѣдомости“ не разъ говорили, что для нашего добраго мужичка, даже простая грамота является совершенно излишней и, потому, вредной, такъ какъ нарушаетъ соціальную гармонію, на которой зиждется существующій въ Россіи строй.

Нужно ли говорить о всей безнравственности такого порядка? Достаточно отмѣтить, что теперешняя міровая эволюція обрекаетъ невѣжественный народъ на неизбѣжную гибель, такъ какъ въ экономической и политиче-

58339

БИБЛИОТЕКА

ской борьбѣ народовъ за существованіе, знаніе является важнѣйшимъ и зачастую единственнымъ оружіемъ.

И наша несчастная родина должна была убѣдиться во всей мучительной справедливости этого положенія на горькомъ опытѣ губительной войны съ Японіей, на захватѣ ея богатствъ иностраннымъ капиталомъ.

Но, что значитъ все это для нашихъ реакціонеровъ! Могутъ ли они вообще понять это грозное предостереженіе исторій. Они закрываютъ глаза и затыкаютъ уши, чтобы не слышать громовъ, не видѣть молній собирающейся надъ Россіей грозы. Какъ Іисусъ Навинъ, они хотятъ остановить жизнь, даже повернуть ее вспять, чтобы только не разставаться со старымъ укладомъ жизни и со всей картиной, застывшей въ средневѣковыхъ политическихъ формахъ Россіи—картина, въ которой, такъ много романтической гипнотизирующей красоты.

Въ 1881 году, извѣстный реакціонный публицистъ и эстетикъ Леонтьевъ, такъ и сказалъ: „Россію нужно заморозить, нужно остановить поступательное движеніе ея органическихъ силъ, чтобы упрочить поколебавшійся старый строй жизни и сохранить старую красоту".

Въ наше же время, слишкомъ недостаточно одного только „замораживанія", такъ хорошо удавшагося 25 лѣтъ тому назадъ. Нужна еще колоссальная ампутація, нужно обрѣзать всѣ ломающіе старые оковы побѣги жизни, нужно закрыть всѣ народныя школы, всѣ фабрики и желѣзныя дороги, нужно прекратить всякое движеніе въ народныхъ жилахъ, все вызывающее новыя понятія, новыя идеи и потребности, все пробуждающее изъ вѣковой спячки темнаго забитаго мужика, эту единственную опору бюрократическаго всевластія.

А возможна ли теперь такая грандіозная операція, дѣйствительно ли можно остановить жизнь? Если бы даже это удалось, если бы оказалось возможнымъ сразу парализовать всколыхнувшуюся 150 милліонную массу, то такая побѣда была бы слишкомъ непрочной. Стихій-

ные законы жизни сильнѣе воли отдѣльныхъ людей, и отъ нихъ не огородиться никакими китайскими стѣнами. Сама жизнь продолжала бы будить народъ, толкая его на новые пути — и опять, значитъ, новыя мучительныя прорывы революціонной энергіи, индивидуальной и массовой, новая затяжная смута.

Такой ли хронической анархіи добиваются для своей родины люди, называющіе себя ея „истинными“ сынами?

Осужденные жизнью, логикой и самимъ здравымъ смысломъ наши реакціонеры, все-таки не хотятъ признать всей безнадежности своей позиціи, все еще злоумышляютъ противъ свободы, противъ блага своего народа. Слѣпые и глухіе они все еще мечтаютъ, что кличка „черносотенецъ“, которой заклеймилъ ихъ единодушный судъ народа, когда-нибудь станетъ лестной, почетной, что ею будутъ гордиться.

И они продолжаютъ свою агитацію, продолжаютъ отравлять народное сознаніе ядомъ своихъ дикихъ изступленныхъ рѣчей, призывающихъ къ убійствамъ, къ разгромамъ, взывающихъ къ худшимъ инстинктамъ человѣка.

Не слѣдуетъ думать, что эти призывы къ массовому избіенію интеллигентовъ и евреевъ являются случайной вспышкой дикаго патріотизма отдѣльныхъ членовъ той или другой реакціонной партіи. Нѣтъ, эти погромы, эти ужасающія звѣрства въ Твери, въ Томскѣ, въ Одессѣ, въ Бѣлостокѣ составляютъ всю суть тактики „Союза Русскаго Народа“ объединившаго всѣ реакціонныя партіи.

Мы уже видѣли, что ихъ „теорія“ предписываетъ видѣть въ революціи результатъ адской интриги „жидовъ“ и интеллигентовъ. Революція закончится или всеобщей поголовщины на соціальной почвѣ, которую усмиритъ геніальный черносотенецъ, или же вооруженнымъ вмѣшательствомъ заграницы. Реакціонеры сами по себѣ не въ силахъ, ни содѣйствовать разгару соціальной по-

головщины, ни призвать чужеземцевъ—все это предоставляется самой бюрократіи,—и имъ остается только искоренять виновниковъ всей смуты, жидовъ и интеллигентовъ. Сожженіе 500 желѣзно-дорожниковъ въ Томскѣ и убійство 100 евреевъ въ Бѣлостокѣ, является только практическимъ приложеніемъ ихъ тактики.

Реакціонеры не признаютъ и не могутъ признавать мирной идейной пропаганды, они прекрасно понимаютъ, что никакими софизмами имъ не доказать, что черное бѣло, что старый строй не только не препятствуетъ благу народа, но даже является главнымъ условіемъ этого блага. Имъ остается только бить на страсти, призывать къ погромамъ, къ террору, такъ какъ въ возбужденной горючей атмосферѣ революціонной смуты и порождаемыхъ ею соціальныхъ и національныхъ антогонизмовъ, такая проповѣдь находитъ для себя слишкомъ благодарную почву. Только этому и слѣдуетъ приписать успѣхъ среди нѣкоторыхъ слоевъ черносотенной пропаганды. Очень возможно, что не одна черносотенная кровавая баня ждетъ еще русскіе города и деревни.

Но нужно ли доказывать, что всѣ эти „успѣхи“ реакціонеровъ, могутъ быть только временными, что партія, вся тактика которой сводится къ инсценированію массовыхъ убійствъ и погромовъ, неизбѣжно обречена на гибель.

Старый бюрократическій строй не можетъ и не будетъ существовать уже по одному тому, что у него не нашлось, да и не могло найтись болѣе достойныхъ защитниковъ, чѣмъ гг. Грингмутъ, Крушеванъ и К°, чѣмъ погромщики всѣхъ ранговъ и наименованій.

III.

Минуя партіи центра, Союзъ 17 октября, Мирное Обновленіе, о которыхъ будетъ рѣчь въ заключительной главѣ, мы отъ защитниковъ стараго режима

перейдемъ къ его непримиримымъ врагамъ, конституціоналистамъ-демократамъ.

Кадеты *) являются партіей интеллигенціи par excellence. По ихъ собственному признанію, въ этомъ вся ихъ сила и право на преобладающую роль въ обновленіи страны.

Интеллигенція, какъ совокупность людей облагораживающаго умственнаго труда, обслуживающаго весь народъ, можетъ стоять внѣ отдѣльныхъ его классовъ и ихъ узкихъ взаимно-противоположныхъ стремленій.

Въ современномъ обществѣ интеллигенція, поэтому, является единственной представительницей чистаго идеала, свободы, равенства и соціальной справедливости—у партій, представляющихъ интересы класса, этотъ идеалъ всегда искажается соотвѣтствующей классовой окраской.

Только интеллигенція, а не отдѣльный классъ, и можетъ, значитъ, взять на себя великое дѣло устроенія новой государственности, съ которой примирились бы всѣ классы.

Правда, злые языки изъ соціалъ-демократическаго лагеря отрицаютъ такое надклассовое паренiе кадетскихъ мыслителей, заявляя, что летать человѣку вообще несвойственно, а тѣмъ болѣе цѣлой политической партіи, такъ какъ всякая даже самая возвышенная партійная догма, если только она сумѣла объединить вокругъ себя народныя массы, сознательно или безсознательно тяготѣетъ въ конечномъ счетѣ къ совершенно опредѣленнымъ и реальнымъ интересамъ того или другого класса. Кадеты въ частности являются самыми обыкновенными идеологами сознательныхъ аграріевъ и просвѣщенныхъ буржуа, понимающихъ всю необходимость для нихъ разныхъ свободъ, но вовсе не желающихъ раздѣлить ихъ съ пролетаріатомъ и поэтому готовыхъ пойти на сдѣлку со старымъ режимомъ, чтобы поскорѣе ликвидировать революцію—полеты

*) Такъ мы будемъ для краткости называть конституціоналистовъ-демократовъ, слѣдуя примѣру ихъ собственныхъ газетъ.

кадетскихъ философовъ въ заоблачныя высоты идеала и пристрастіе къ разнымъ „нравственнымъ апоѳегмамъ“ только должны замаскировать это ихъ буржуазное предательство. Ужъ одно то обстоятельство, что начало ихъ партій было положено либеральными землевладѣльцами, ясно указываетъ на ея вполнѣ опредѣленную классовую окраску.

На такія соціалъ-демократическія дерзости кадеты обыкновенно не отвѣчаютъ, считая свою надклассовую, сущность выше всякихъ сомнѣній.

И хотя мы вовсе не видимъ въ такой сущности большого достоинства для политической партіи, даже считаемъ ее главной бѣдой кадетовъ, но тутъ мы должны признать ихъ полную правоту.

Кадеты, дѣйствительно, надклассовая партія, и присутствіе въ ней извѣстнаго количества помѣщиковъ ровно ничего не доказываетъ, такъ какъ послѣдніе вошли въ нее не ради классового интереса, а даже до извѣстной степени вопреки ему—все равно какъ самый фактъ принадлежности къ Германской соціалъ-демократіи нѣкоторыхъ фабрикантовъ и торговцевъ еще не превращаетъ ее въ буржуазную партію.

Классовой интересъ помѣщиковъ, конечно, толкаетъ ихъ, какъ и всю Россію, къ либерализму, къ реформамъ—ниже мы увидимъ, что въ нихъ заинтересованы всѣ классы.

Но быть либераломъ это вовсе еще не значитъ быть кадетомъ, и конст.-демократическая программа съ ея принудительнымъ отчужденіемъ всей частновладѣльческой земли вовсе не такъ улыбается помѣщику, какъ это думаютъ соціалъ-демократы. Конечно, справедливая оцѣнка лучше конфискаціи, но еще лучше свободная продажа черезъ Крестьянскій Банкъ. И на послѣднихъ земскихъ выборахъ помѣщики почти всюду прокатывали на воровыхъ кадетскихъ кандидатовъ.

Настоящей буржуазной партіи въ кадетахъ вообще видѣть нельзя, а вотъ почему: всякая такая партія прежде

всего идеализируетъ частное хозяйство, эту основу буржуазнаго строя. Даже французскіе радикалы-соціалисты, эта самая крайняя буржуазная партія во всемъ мірѣ, несмотря на свой политическій якобинизмъ, идейно не выходятъ изъ рамокъ буржуазнаго хозяйства, какъ единственно возможнаго и справедливаго.

Кадеты же нисколько не скрываютъ своего отрицательнаго отношенія къ буржуазному строю и вѣры въ соціалистическій идеалъ.

„Ни одинъ искренній и образованный демократъ не можетъ отрицать соціалистическую идею въ принципѣ и отвергать законность стремленій, направленныхъ къ соціализаціи общественныхъ отношеній.

Демократическое движеніе должно быть и по существу является движеніемъ соціалистическимъ—борьбой за соціальную справедливость и соціальную солидарность"...*)

Соціалъ-демократы, впрочемъ, не трогаются и такими признаніями. Вѣдь всѣ тѣ идеи, которыя соотвѣтствуютъ интересамъ пролетаріата и его борьбѣ за соціализмъ, уже давно открыты, собраны и запечатаны Марксомъ. Все то, что явно противорѣчитъ этимъ идеямъ, значитъ, соотвѣтствуетъ интересамъ буржуазіи и ея государства, а то, что нельзя отнести ни въ ту ни въ другую сторону и что можетъ поэтому затуманить ясное классовое сознаніе пролетаріата, очевидно является продуктомъ творчества его сознательныхъ или безсознательныхъ враговъ, т.-е. буржуа, и къ этому послѣднему виду слѣдуетъ отнести тонкія сплетенія кадетъ съ ихъ „эволюціоннымъ соціализмомъ".

Конечно при такомъ упрощенномъ схематическомъ мышленіи нѣтъ ничего легче, какъ безъапелляціонно провозласить кадетовъ самой что ни на есть буржуазной партіей — тѣмъ толѣе, что буржуазія всѣхъ видовъ составляетъ главный контингентъ ея членовъ.

Но не эти буржуа, числящіеся въ кадетахъ только

---

*) С. Франкъ. Политика и идеи. Полярная Звѣзда № 1.

потому, что для самаго послѣдняго времени у нихъ не было другого выбора для удовлетворенія пробудившейся потребности въ „политикѣ“, составляли кадетскую программу, и дѣлаютъ ихъ политику, а тѣ идеологи — интеллигенты, которые образовали самую партію и донынѣ являются ея единственными вдохновителями и руководителями. Я говорю о профессорѣ и борцѣ за свободу П. Н. Милюковѣ, о философѣ и публицистѣ П. Б. Струве, о маститомъ земскомъ оппозиціонерѣ И. И. Петрункевичѣ.

И интеллигентскій идеализмъ, книжный, далекій отъ земли съ ея классами и ихъ реальными нуждами, дѣйствительно проходитъ красной нитью и чрезъ программу конст.-демократической партіи и черезъ всю ея тактику и черезъ самую концепцію ею революціи.

„Причина русской революціи—въ нарушенномъ равновѣсіи между идейными стремленіями русскаго мыслящаго общества и внѣшними формами его жизни. Россія переросла форму существующаго строя. Она стремится къ строю правовому на основѣ гражданской свободы“.

Такъ пишетъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ отъ 17 октября 1905 г. С. Ю. Витте, и И. И. Петрункевичъ считаетъ „совершенно правильной“ эту „характеристику сущности русской революціи“ („Министерство гр. Витте“—Полярная Звѣзда № 1).

А П. Б. Струве даже объявляетъ только такую революцію настоящей и, потому, „святой“, которая „совершается во имя права и свободы“ (Пол. Звѣзда № 1).

П. Б. Струве, какъ и всѣ кадеты, дѣйствительно не видитъ другихъ мотивовъ революціи кромѣ идеалистическихъ, и въ издававшемся ими за границей „Освобожденіи“ ни разу не указывалось на тѣ могучія экономическія силы, которыя сдѣлали неизбѣжнымъ переходъ къ новому строю.

„Освобожденіе“ обращалось къ нравственному чувству „отцовъ“, не могущихъ посвятить себя, подобно „дѣтямъ“, революціонной борьбѣ и призывало ихъ къ „организаціи общественнаго мнѣнія“, чтобы хоть такимъ пу-

темъ посодѣйствовать сверженію стараго строя и воплощенію идеаловъ правды и справедливости.

Съ 17 октября, по мнѣнію кадетовъ, замѣнившихъ прежнихъ Освобожденцевъ, старой власти уже нѣтъ—„ее снесла революція“, но революція еще не создала новой власти, и это чревато большими опасностями, такъ какъ „подводный камень всѣхъ революцій въ разъединеніи послѣ побѣды“, что часто влекло за собой провалъ завоеванной свободы.

Поэтому очередной задачей момента является нахожденіе объединяющаго центра, который могъ бы взять на себя организацію новой власти. Такимъ объединяющимъ центромъ можетъ быть только конст.-демократическая партія, какъ надклассовая и способная поэтому объединить всѣ классы.

Но тутъ у интеллигентовъ, основателей партіи, явился вопросъ: во имя чего слѣдуетъ звать классы къ объединенію подъ знаменемъ конст.-демократической партіи?

Естественнѣе всего — во имя идеала, во имя новой государственности, построенной на началахъ свободы и равенства; но это было хорошо для читателей „Освобожденія“, предназначавшагося для имущихъ классовъ, а какъ быть съ неимущими классами?

Вѣдь для нихъ „замѣна классовой точки зрѣнія общегосударственной... соединяется съ отказомъ отъ многихъ надеждъ и ожиданій“ (С. Котляревскій. Классовые интересы и государственныя цѣли). Нужно, поэтому, чтобы соотвѣтствующая замѣна у имущихъ классовъ выразилась вполнѣ опредѣленно и на дѣлѣ, нужно, чтобы они поступились нѣкоторыми своими классовыми интересами въ пользу неимущихъ и тѣмъ сдѣлали бы возможнымъ всенародное единеніе.

Имущіе классы должны согласиться удовлетворить важнѣйшія очередныя требованія представителей пролетаріата соціаль-демократовъ и представителей крестьянства—соціалистовъ-революціонеровъ, 8 часовой рабочій день для всѣхъ наемныхъ рабочихъ и націонализацію земли.

Эти требованія, а также еще требованіе созыва Учредительнаго Собранія,, какъ общая тактическая директива всѣхъ лѣвыхъ партій, включаются, поэтому, въ программу конст.-демократической партіи. Составители послѣдней, такимъ образомъ, вовсе не руководились соображеніемъ, что въ государственныхъ интересахъ дѣйствительно *нужно дать* тому или другому классу и что, поэтому должно и можетъ быть осуществлено на дѣлѣ, а просто постарались вслѣдъ за соціалистами найти maximum того, что *возможно дать*, не разрушая совершенно всего соціальнаго строя.

Такъ, требованіе 8 часового рабочаго дня хотя и входитъ въ программу minimum соціалистовъ, но по ихъ собственному мнѣнію является maximum'омъ для буржуазнаго строя — программа minimum рассчитана такъ, чтобы составлять maximum того, чего можно достичь при буржуазномъ строѣ, не подрывая его основъ.

То же нужно сказать и о національзаціи земли, фигурирующей, какъ извѣстно, послѣ апрѣльскаго съѣзда въ программѣ кадетовъ подъ видомъ „передачи земли трудящимся“ — это требованіе программы minimum соціалистовъ-революціонеровъ.

Если соціалисты настаиваютъ теперь на немедленномъ осуществленіи въ Россіи ихъ программы—minimum, то это потому, что они вѣрятъ въ чудодѣйственныя силы разгорающейся въ Россіи революціи — возставшіе трудовые классы смогутъ заставить буржуа сразу дать все то, что они вообще могутъ давать, оставаясь буржуа.

Но вѣдь кадеты такого мнѣнія о революціи не высказываютъ и часто даже заявляютъ о своемъ глубокомъ желаніи предупредить ее своевременнымъ преобразованіемъ государственнаго строя. Поэтому, теоретически вовсе не оправдывается принятіе ими программы minimum соціалистическихъ партій, явно неосуществимой при мирномъ переходѣ къ новому строю. Его можно объяснить только упорнымъ желаніемъ во что бы то ни

стало привлечь симпатіи трудовыхъ классовъ къ призванной къ государственному строительству конст.-демократической партіи.

Въ переживаемый Россіей критическій моментъ объединеніе классовъ во имя новой государственности дѣйствительно необходимо. Но чтобы осуществить это объединеніе, нужны не обѣщанія наградъ тому или другому классу за „примѣрное поведеніе“, а вселеніе въ каждый классъ прочнаго убѣжденія, что такого объединенія настойчиво требуетъ его же собственный интересъ; выгоды объединенія должны быть въ самомъ объединеніи, а не въ проблематическихъ дарахъ, сочиненныхъ въ интеллигентскомъ кабинетѣ.

И кадеты, какъ этого слѣдовало ожидать, никого своей программой не объединили, кромѣ и безъ того присвоенныхъ имъ интеллигентовъ всякаго положенія, и соціальная пропасть, ежеминутно угрожающая поглотить съ такимъ трудомъ завоеванную свободу, какъ была, такъ и осталась.

Если мы теперь обратимся къ тактикѣ кадетовъ, къ тѣмъ практическимъ путямъ, которыми они хотятъ осуществить свою политическую программу, сводящуюся какъ мы видѣли, къ организаціи всенароднаго объединяющаго центра, который могъ бы взять на себя созданіе новой государственности, то насъ прежде всего поразитъ ея полная неопредѣленность и расплывчатость, совершенно недопустимая для такой солидной, блещущей столькими выдающимися талантами партіи.

Нѣтъ опредѣленнаго постояннаго отошенія къ многимъ весьма важнымъ вопросамъ, выдвигаемымъ бурной современностью, во всемъ какой-то разсчитанный оппортунизмъ, явное нежеланіе связывать себя точными рѣшеніями; тактика, поэтому, постоянно мѣняется и въ зависимости отъ момента блещетъ всѣми цвѣтами политической радуги.

Злые языки, и справа и слѣва, видятъ въ такихъ кадетскихъ переливахъ единственно результатъ ихъ же-

ланія получше приспособиться къ моменту, чтобы тѣмъ или инымъ путемъ пробраться къ власти—такая великая цѣль вполнѣ оправдываетъ и нѣкоторыя маленькія средства.

Но извѣстно, что злые языки никогда не бываютъ правы: кадеты придерживаются такой тактики только потому, что она для нихъ единственно возможная.

У интеллигентской партіи можетъ быть продиктованная тѣмъ или другимъ теоретическимъ міровоззрѣніемъ вполнѣ опредѣленная программа, но только не тактика. Конст.-демократическая партія сама-по-себѣ совершенно безсильна, такъ какъ опирается не на опредѣленные классовые интересы, а на интеллигентскіе идеалы, даже не на зажигательные идеалы пылкихъ самоотверженныхъ „дѣтей“, а на тепленькія, только тепленькія теоретическія настроенія корректныхъ „отцовъ“; правда, подъ ихъ знамена собралось довольно много лишь разнаго званія и положенія, но въ своей совокупности они образуютъ не прочную устойчивую опору, а рыхлую людскую пыль, именно пыль, такъ какъ плотныя классовыя массы или уже расписаны по своимъ партіямъ или же, какъ таковыя, какъ сознающія свои классовые интересы, не могутъ примкнуть къ надклассовымъ интеллигентамъ.

Поэтому-то въ конст.-демократической партіи весь центръ тяжести сосредоточенъ въ ея ядрѣ хорошо спѣвшихся интеллигентовъ „отцовъ“ подъ именемъ центральнаго комитета. Вся партія со всѣми ея участковыми комитетами, коллективами и т. п. служитъ ему только внушительной декораціей.

Но что можетъ сдѣлать въ періодъ революціонныхъ бурь горсть такихъ интеллигентовъ—„отцовъ“ хотя бы и носителей громкихъ всѣми уважаемыхъ именъ, но не чувствующихъ за собой никакой реальной силы?

Лишенная возможности активно воздѣйствовать на ходъ событій, она его можетъ только „учитывать“, предлагая обѣимъ враждующимъ борющимся сторонамъ правящей бюрократіи и революціоннымъ партіямъ, свои

честныя маклерскія услуги для заключенія компромисса. Весь секретъ въ томъ, чтобы выждать удобный моментъ и подыскать пріемлемую для обѣихъ сторонъ форму компромисса, убѣдить ихъ заключить миръ, поручивъ кадетамъ организацію новой государственности.

И въ дипломатическихъ ходахъ кадеты всегда видѣли главную свою силу, сводя къ нимъ свою тактику.

Еще въ декабрѣ 1904 года на митингѣ въ Парижѣ И. Б. Струве убѣдительно доказывалъ своему „старому коллегѣ и противнику“ Н. Ленину, что только Освобожденцы сумѣютъ привести къ побѣдѣ русское освободительное движеніе, а не соціалъ-демократы, которые „совершенно лишены всякихъ дипломатическихъ способностей“ и не смогутъ использовать всѣ выгоды момента, заинтересовавъ въ революціи кромѣ своего пролетаріата и другіе классы.

Эти слова были сказаны послѣ знаменитаго парижскаго соглашенія „о совмѣстномъ выступленіи“, подъ которымъ удалось объединить всѣ оппозиціонныя и соціально-революціонныя партіи, за исключеніемъ однихъ соціалъ-демократовъ, и П. Б. Струве считалъ себя въ правѣ гордиться такимъ дипломатическимъ успѣхомъ „Освобожденцевъ“, какъ внушительнымъ отвѣтомъ на отказъ петербургскихъ правящихъ сферъ принять знаменитые ноябрьскіе пункты русскихъ земцевъ.

Извѣстно, что дипломатамъ самъ Богъ велѣлъ приспособляться въ интересахъ дѣла къ условіямъ момента, и бывшіе „Освобожденцы“, теперешніе кадеты широко пользуются этой привилегіей цеха; какъ сказано, вся ихъ тактика пропитана самымъ откровеннымъ оппортунизмомъ—примѣнительно къ моменту.

Возмемъ, напримѣръ, ихъ отношеніе къ главному вопросу русской дѣйствительности, къ революціи. Революція, какъ переходъ государственной власти отъ бюрократіи къ народу въ лицѣ его представителей, проповѣдуется всѣми прогрессивными партіями, но долженъ ли этотъ переходъ явиться результатомъ насильственнаго сверже-

нія стараго режима или же послѣдній и безъ того вынужденъ къ сдачѣ вслѣдствіе своего полнаго банкротства, политическаго, финансоваго и моральнаго и если еще продолжаетъ держаться, то это не вопреки, а благодаря производимой революціей анархіи, заставляющей предпочитать дырявую крышу отсутсвію всякой крыши.

Короче: достаточно ли для завершенія революціи одной мирной пропаганды, чтобы отрыть глаза народу на это банкротство и на вытекающую изъ него необходимость преобразованія государственности, или же нужны еще насильственныя дѣйствія, чтобы окончательно добить отжившій режимъ?.

На вопросъ такой громадной важности у кадетовъ до сихъ поръ нѣтъ окончательнаго опредѣленнаго отвѣта; лучше сказать, у нихъ есть цѣлый рядъ отвѣтовъ—примѣнительно къ моменту.

Въ разгаръ прошлогодней октябрьской всероссійской забастовки учредительный съѣздъ кост.-демократической партіи заявляетъ о своей „полнѣйшей солидарности съ забастовочнымъ движеніемъ“, и П. Н. Милюковъ въ вступительной рѣчи хочетъ видѣть въ революціонныхъ партіяхъ „не противниковъ, а союзниковъ слѣва“, которыхъ отдѣляетъ отъ кадетовъ только „требованіе демократической республики и обобществленія производства“—тактика, значитъ, какъ будто, объявляется одинаковой.

Говоримъ *какъ будто* потому, что въ постановленіяхъ съѣзда мирный путь для осуществленія народной свободы объявляется путемъ конст.-демократической партіи.

„Вопросъ только въ томъ, осуществится ли свобода путемъ насильственнымъ, путемъ стихійнаго взрыва или мирнымъ путемъ организованнаго дѣйствія народной силы. И съ этой точки зрѣнія конст.-дем. партія горячо привѣтствуетъ крупный шагъ народа на томъ пути, на которомъ стоитъ сама: организованное мирное и въ то же время грозное выступленіе русскаго рабочаго класса, политически безправнаго, но общественно могучаго“.

Но если правительство не захочетъ открыть широкій путь торжественному шествію народа къ свободѣ и превратитъ его въ кровавую бойню, то „пусть оно знаетъ, что все, что есть въ Россіи просвѣщеннаго и сознательнаго, стоитъ на сторонѣ народа. Конст.-демократическая партія предоставляетъ себѣ, смотря по ходу событій, принять всѣ тѣ мѣры, которыя будутъ въ ея власти, чтобы предупредить возможное столкновеніе: но удастся ли ей это или нѣтъ, она *напередъ отождествляетъ себя съ народными требованіями* и кладетъ на вѣсы народнаго освобожденія все свое сочувствіе, всю свою нравственную силу и окажетъ ему всяческую поддержку".

Такимъ образомъ, кадеты напередъ подписываются подъ всѣми требованіями руководимаго революціонными партіями народа и самый выборъ путей, насильственнаго или мирнаго, ставятъ въ зависимости не отъ принципіальныхъ соображеній, а отъ мѣняющейся политики правительства.

Три недѣли спустя, черезъ посредство руководимаго ими Бюро Съѣзда Земскихъ и Городскихъ Дѣятелей, кадеты, какъ ни въ чемъ не бывало, предлагаютъ правительству заключить съ ними компромиссъ. Ихъ нисколько не смущаетъ, что „союзники слѣва" кричатъ о предательствѣ, объ измѣнническомъ нарушеніи вышеприведеннаго постановленія съѣзда, обязывающаго конст.-демократическую партію итти до конца съ революціоннымъ народомъ, до побѣды, и совершенно исключающаго поэтому всякіе сепаратные переговоры и соглашенія съ правительствомъ.

Но, по мнѣнію кадетскихъ лидеровъ, моментъ для переговоровъ выбранъ очень удобный: все разгорающееся революціонное движеніе должно вынудить правительство на крупныя уступки; а что касается до октябрьскаго постановленія, то вѣдь „въ политикѣ—какъ въ политикѣ".

Правительство на компромиссъ не пошло, и кадетамъ оставалось только умыть руки, возложивъ на него всю отвѣтственность за послѣдствія.

Весь ноябрь, когда революціонными партіями была открыто поставлена на очередь подготовка къ вооруженному возстанію, кадеты средоточенно молчали — не то у нихъ вопросъ о вооруженномъ возстаніи былъ объявленъ „открытымъ, чтобы не вызывать раскола“, не то они вообще порѣшили на время отказаться отъ практической политики, чтобы выждать событія. Во всякомъ случаѣ— и это отмѣтитъ безпристрастная исторія—у вліятельнѣйшей русской политической партіи не было въ тѣ критическіе дни опредѣленнаго мнѣнія по вопросу о вооруженномъ возстаніи, и ничей авторитетный голосъ не предостерегъ увлекшуюся революціонную молодежь отъ ея гибельной затѣи, поглотившей столько жертвъ и неизбѣжная неудача которой была ясна всякому объективному наблюдателю *).

Только П. Б. Струве попробовалъ, было, указать соціалистамъ на опасность слишкомъ частыхъ забастовокъ, какъ дезорганизующихъ всю хозяйственную жизнь; но соціалисты вполнѣ резонно отвѣтили, что эти забастовки являются отвѣтомъ народа на упорное нежеланіе правительства „открыть широкій путь торжественному шествію народа къ свободѣ“, и что поэтому П. Б. Струве долженъ былъ бы, какъ членъ конст.-демократ. партіи, оказывать дѣлу народнаго освобожденія „всяческую поддержку“, а никакъ не предательски вредить ему, пугая своихъ буржуа разными „дезорганизаціями“.

Должно-быть, П. Б. Струве убѣдился такими доводами, и въ кадетскомъ лагерѣ никто ужъ больше не подымалъ голоса противъ исходившихъ отъ революціонныхъ круговъ тактическихъ директивъ **).

---

*) Нельзя, конечно, принять въ расчетъ слабый голосъ пишущаго эти строки, вынужденнаго, скрѣпя сердце, проводить свои „еретическіе реакціонные“ взгляды въ малочитаемомъ листкѣ.

**) До какихъ размѣровъ доходило тогда шатаніе умовъ среди кадетовъ и тяготѣющихъ къ нимъ интеллигентовъ, можно видѣть на примѣрѣ „Русскихъ Вѣдомостей“, газеты, какъ-будто вполнѣ установившейся. Когда вспыхнула почтовая забастовка, газета

За вооруженное возстаніе высказался идейно примыкавшій къ кадетамъ и Союзъ Союзовъ. Послѣ ареста Хрусталева и массоваго увольненія почтовыхъ чиновниковъ онъ призвалъ «всѣ живые элементы страны дѣятельно готовиться къ забастовкѣ и одновременно къ послѣдней вооруженной схваткѣ съ врагомъ народной свободы— сообщеніе Московской с.-д. газеты «Борьба» отъ 2 декабря.

Наконецъ, къ 9-ому декабря прорвалось такъ старательно провоцируемое, и справа и слѣва, вооруженное возстаніе. Бойко затрещали было браунинги нѣсколькихъ сотенъ дружинниковъ, которыхъ только и поставили 300 тысячъ Московскихъ рабочихъ и 10 тысячъ студентовъ, но всю эту революцію мигомъ снесли шрапнели и пулеметы.

15-го декабря, когда еще горѣла Прѣсня и дымилась кровь въ Голутвинѣ, Сормовѣ, Бахмутѣ, Темерникѣ, П. Б. Струве выпустилъ первую книжку своей «Полярной Звѣзды».

Съ первыхъ же страницъ бросается въ глаза рѣзкій поворотъ кадетскаго лидера; одинаково бичуются и «насилье торжествующее и то насилье, которое еще только замышляетъ торжество»; главнымъ несчастіемъ русскаго освободительнаго движенія объявляется теперь «пассивная почтительность» по отношенію къ дѣйствіямъ революціонеровъ. Нужно поскорѣе создать «авторитетное и сильное правительство, которое положило бы конецъ политическому разложенію, хозяйственной дезорганизаціи и идейному разброду въ странѣ» и тѣмъ спасло бы Монархію и государственность отъ угрожающей имъ гибели. Такое правительство могутъ дать, конечно, только общественные дѣятели, и кадеты «должны научиться разсмат-

---

сначала рѣшительно высказалась противъ нея, но, черезъ два дня послѣ соотвѣтствующаго разноса въ радикальной печати, ударила отбой и первая открыла подписку въ пользу забастовавшихъ почтовыхъ чиновниковъ, что въ такой моментъ имѣло громадное моральное значеніе.

ривать вещи такъ, какъ будто въ данную минуту стояли у кормила власти.

Но послѣ декабрьскихъ побѣдъ Петербургскія сферы обнаруживали слишкомъ мало желанія вступать въ какіе бы то ни было политическіе переговоры. Что теперь представляла изъ себя вся Конст.-Дем. Партія? Однихъ генераловъ отъ политики, не имѣвшихъ за собой послѣ пораженія «союзниковъ слѣва» никакой реальной силы.

Нужно было, значитъ, во чтобы то ни стало найти другую такую силу, опираясь на которую можно было бы, уже съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ въ ноябрѣ, потребовать власти; этой силой теперь могло стать только народное голосованіе при выборахъ въ Думу. И завоеваніе симпатій широкихъ массъ становится главной задачей кадетовъ.

Декабрьскія событія показали, что народъ не сочувствуетъ насильственнымъ путямъ крайнихъ партій, что народъ крѣпко стоитъ за Царя—и на январьскомъ съѣздѣ кадеты торопливо отмежевываются отъ крайнихъ партій, заявляя, что они за Монархію и безусловно противъ вооруженнаго возстанія.

И причины такого отклоненія отъ октябрьскихъ постановленій вовсе не скрываются. Въ № 18 «Русскихъ Вѣдомостей» П. Б. Струве въ своемъ «Письмѣ изъ Петербурга» прямо указываетъ, что это было сдѣлано «въ интересахъ агитаціи».

Совершенно неожиданными были и резолюціи съѣзда относительно участія въ будущей Думѣ.

Въ противоположность соціалистическимъ партіямъ, высказавшимся за полный бойкотъ и Думы и выборовъ въ нее, кадеты постановили въ выборахъ принимать самое горячее участіе и въ Думу итти, но не признавать ее, «нормальнымъ учрежденіемъ» и къ органической работѣ не приступать, а только осуществить при ея посредствѣ ближайшія цѣли партіи: «разрушеніе бюрократическаго деспотизма, установленіе демократической конституціи, проведеніе реформъ земельной, рабочей и удовлетвореніе справедливыхъ національныхъ требованій.»

Кн. Н. Трубецкой, изъ-за этихъ резолюцій выступившій изъ партіи, даже счелъ возможнымъ охарактеризовать ихъ, какъ «вызывающія неразрѣшимые конфликты съ совѣстью»—нельзя заявлять объ отрицаніи органической работы въ Думѣ и въ то же время намѣчать для нея такую широкую программу, требующую для своего осуществленія нѣсколькихъ лѣтъ усидчивой работы.

Но въ сущности говоря, со стороны кадетскихъ лидеровъ тутъ не было никакого противорѣчія, а только остроумный дипломатическій ходъ.

По ихъ собственному признанію кадеты тогда еще очень опасались, что Дума будетъ реакціонной и, поэтому, порѣшили на всякій случай объявить ей заранѣе бойкотъ, чтобы она не могла считать себя органомъ настоящаго народнаго представительства и не затормозила бы освободительнаго движенія; но чтобы не связывать себѣ рукъ на случай, если Дума всетаки окажется лѣвой, кадеты постановили, что она въ правѣ проводить однѣ только либеральныя реформы.

Весь февраль и мартъ кадеты посвятили самой энергичной пропагандѣ, какъ извѣстно, увѣнчавшейся успѣхомъ и дѣйствительно завоевавшей имъ симпатіи широкихъ массъ, стосковавшихся по народной свободѣ.

Въ мартѣ, когда побѣда на предстоящихъ выборахъ была вполнѣ обезпечена, и въ оправившемся послѣ декабрьскаго разгрома обществѣ ощущался уже новый подъемъ настроенія, кадеты стали снова усиленно лѣвѣть; П. Б. Струве счелъ нужнымъ позабыть свои декабрьскія и январьскія нападки на «безумную» тактику крайнихъ партій и, какъ ни въ чемъ не бывало, объявилъ о желательности «тѣснѣйшаго взаимодѣйствія съ тѣми, кто будетъ бороться за конституцію внѣ Думы; кадеты обращаютъ свой призывъ въ этомъ отношеніи ко всѣмъ лѣвымъ партіямъ»—«Рѣчь» № 20.

Но лѣвые оставались глухи къ этимъ призывамъ и обнаруживали очень мало желанія поддерживать кадетовъ и «ихъ» Думу.

А между тѣмъ кадеты чувствовали, что несмотря на милліоны поданныхъ за нихъ голосовъ, они все-таки не имѣютъ за собой такой реальной силы, которая могла бы импонировать бюрократіи. Всѣ активные революціонные элементы противъ нихъ, противъ вообще всякихъ компромиссовъ со старымъ режимомъ. Въ сущности говоря, за кадетами попрежнему стоитъ только интеллигентъ—отецъ; къ нему въ городахъ прибавился лишь средній обыватель, неопредѣленно потянувшійся къ свободѣ, къ новому, слишкомъ рыхлый и ненадежный, какъ опора; рабочіе хотя и подавали голоса за кадетовъ, но никогда за ними не пойдутъ, какъ за «соглашателями буржуа». Остается крестьянство, громадное 100 милліонное крестьянство, слишкомъ темное и слишкомъ мало затронутое соціалистической пропагандой, чтобы разбираться въ тонкихъ нюансахъ партійныхъ программъ. Крестьянство можно завоевать, и даже безъ всякаго труда, если только посулить ему землю.

Правда, въ кадетской программѣ всегда имѣлся пунктъ о дополнительномъ надѣленіи крестьянства путемъ принудительнаго отчужденія въ потребномъ размѣрѣ частновладѣльческихъ земель, но крестьянство, по всѣмъ признакамъ, желаетъ большаго, добиваясь самой настоящей національзаціи земли.

И апрѣльскій съѣздъ кадетовъ почти всѣ свои засѣданія отдаетъ аграрному вопросу, постановивъ «передачу земли въ руки трудящихся»—и устройство государственнаго земельнаго фонда, изъ котораго земля передавалась бы трудящимся не въ собственность, а въ пользованіе. Грандіозность такой ужъ явно соціалистической реформы не смутила кадетовъ: «рѣшеніе аграрнаго вопроса, исходя изъ основной идеи о передачѣ земли въ руки трудящихся, остается на совершенно реальной почвѣ; реформа смѣлая по замыслу, грандіозная по размѣрамъ, въ то же время является неотложной и неизбѣжной, благодаря той силѣ народныхъ массъ, на которую партія можетъ опереться при выполненіи своего рѣшенія»—«Рѣчь».

Но доказываетъ ли эта «сила» 100 темныхъ милліоновъ, что реформа дѣйствительно осуществима? Вѣдь, если, напримѣръ, въ Англіи фабричные рабочіе т.-е. 70% ея населенія пожелаютъ національзаціи фабрикъ, то это еще вовсе не доказываетъ, что Англія созрѣла для соціалистическаго переворота. Казалось бы, что на то и существуетъ въ странѣ интеллигенція, чтобы руководить народомъ въ его стремленіи къ лучшей жизни, а не послушно итти за нимъ всюду, куда толкнетъ его слѣпой инстинктъ.

Но мы уже видѣли, что кадеты всегда предпочитали плыть съ первой попавшейся волной, всегда приспособлялись къ бурной современности и никогда даже не пытались хоть сколько нибудь приспособлять ее къ себѣ, къ своимъ политическимъ взглядамъ.

Всѣ свои усилья кадеты сосредоточили на томъ, что использовать свое положеніе на гребнѣ волны для скорѣйшаго завоеванія власти. Конечно, завоеваніе власти является не только привилегіей, но и обязанностью всякой политической партіи. Но кадеты совершенно пренебрегли своей другой еще важнѣйшей обязанностью— дѣйственнымъ вмѣшательствомъ въ политическую жизнь страны для направленія ея согласно своимъ политическимъ взглядамъ; кадеты объявляли «открытыми» самые жгучіе вопросы современности, вся ихъ пропаганда среди населенія всегда носила не самодовлѣющій, а подчиненный характеръ; они не столько хотѣли просвѣщать и направлять, сколько заручиться поддержкой въ своей борьбѣ за власть.

Что сказать о дѣятельности кадетовъ въ Думѣ? Мы не станемъ разбирать всѣхъ ошибокъ кадетовъ въ самой Думѣ, предполагая сдѣлать это особо, а тутъ укажемъ только на самую важную ошибку, совершенную еще во время выборовъ и уже тогда предрѣшившую печальный конецъ Думы.

Упоенные своей блестящей побѣдой на выборахъ, кадеты рѣшили вовсе не пускать въ Думу элементовъ

правѣе себя и заключали блоки только съ крайними партіями.

Дума, такимъ образомъ, получилась однобокой: въ ней всецѣло преобладали надклассовые интеллигенты и соціалисты—трудовики—и почти вовсе отсутствовали представители буржуазныхъ партій.

Между тѣмъ прямой разсчетъ былъ вовлечь въ политическую борьбу именно буржуазію, въ особенности въ лицѣ такой здоровой классовой партіи, какъ торгово-промышленная.

Вѣдь было ясно, что всякая Дума, даже самая умѣренная, рано или поздно должна будетъ поставить ребромъ вопросъ о политической власти.

И послѣ этой роковой ошибки никакая петергофская дипломатія кадетскихъ лидеровъ ужъ не могла спасти однобокую Думу отъ неизбѣжной гибели...

По весьма понятнымъ причинамъ, мы не будемъ говорить о тактикѣ кадетовъ послѣ распушенія Думы и опубликованія выборгскаго акта,—и это избавитъ насъ отъ грустной необходимости отмѣтить лишнюю политическую ошибку кадетовъ... *)

Мы все время говорили объ ошибкахъ кадетовъ, этихъ хорошихъ теоретиковъ, искусныхъ дипломатовъ, но плохихъ политиковъ. Было бы вопіющей несправедливостью, если бы не упомянули и объ ихъ заслугахъ, правда не какъ политической партіи, а какъ представителей русской интеллигенціи въ ея цѣломъ.

Если русскій народъ уже видитъ зарю своей свободы, то это главнымъ образомъ благодаря самоотверженной культурно-просвѣтительной дѣятельности цѣлаго ряда поколѣній своей интеллигенціи, и отцовъ и дѣтей.

И этимъ русская интеллигенція воздвигла себѣ нерукотворный памятникъ, къ которому въ свободной Россіи никогда не зарастетъ тропа.

*) Эти строки были написаны еще до гельсингфорскаго съѣзда, лишній разъ подтвердившаго нашу характеристику к.-д. партіи.

IV.

Отъ „учитывающихъ“ революцію дипломатовъ „отцовъ“—къ „дѣлающимъ“ ее самоотверженнымъ „дѣтямъ“, соціалъ-демократамъ и соціалистамъ-революціонерамъ.

Еще 4 года назадъ, когда П. Б. Струве такъ характеризовалъ политическія роли россійскихъ „отцовъ“ и „дѣтей“, „дѣтьми“-революціонерами были исключительно студенты и вообще интеллигентная молодежь; въ наше же время революцію „дѣлаетъ“ молодежь всѣхъ классовъ и состояній, и ея адептовъ поставляетъ и крестьянская изба и генеральская квартира, лачуга пролетарія и хоромы фабриканта. Всюду, гдѣ бьется молодое жаждущее подвига сердце, создается благопріятная среда для проникновенія пресловутой „бациллы“ революціи; пожилой ушедшій въ жизненную прозу фабричный такъ же мало поддается ей, какъ и его трезвый разсчетливый хозяинъ; молодое сердце не знаетъ классовъ и часто даже не различаетъ возрастовъ: оно можетъ биться и подъ сморщенной кожей 60-ти лѣтняго старца и можетъ совершенно отсутствовать у иного 20-ти лѣтняго „практика“. Совершенно неправильно, поэтому, видѣть въ нашихъ соціалъ-демократахъ представителей сознательнаго пролетаріата, а въ соціалистахъ-революціонерахъ представителей сознательнаго крестьянства.

Болѣе или менѣе подробное знакомство съ соціалистическими теоріями и горячее желаніе подвига вовсе не можетъ характеризовать ни тотъ ни другой общественный классъ, какими они являются въ дѣйствительной жизни. Если даже въ Германіи 40 слишкомъ лѣтъ настойчивой пропаганды еще не привели къ поглощенію пролетаріата соціалъ-демократіей, то тѣмъ болѣе въ Россіи съ ея 70% совершенно темнаго неграмотнаго населенія такимъ упрощеннымъ схемамъ нѣтъ и не можетъ быть мѣста. Въ какой-нибудь годъ не создаются ни массовый пролетарій ни массовый мелкій буржуа въ духѣ Марксовыхъ формулъ.

Повторяемъ, мы видимъ въ нашихъ соціалистахъ прежде всего людей молодого пылкаго сердца, дѣйственныхъ приверженцевъ чистаго альтруистическаго идеала. Если бы въ жизни всегда побѣждалъ идеалъ, если бы онъ могъ дѣйствительно склонять на свою сторону тяжелую чашку вѣсовъ холодно-безстрастной исторіи, то претензіи нашихъ соціалистовъ на руководящую роль въ переживаемый страной моментъ были бы вполнѣ основательны.

Но къ несчастью политическая жизнь страны представляетъ собою слишкомъ сложный процессъ, чтобы стремленіе къ идеалу могло играть въ ней первенствующую роль, и поэтому-то, дѣятельность нашихъ соціалистовъ такъ часто приводитъ къ совершенно неожиданнымъ результатамъ; поэтому то, мы послѣ года упорной борьбы, послѣ потоковъ крови не только не приблизились къ выставленному соціалистами идеалу демократической республики съ 8-ми часовымъ рабочимъ днемъ и націонализаціей земли, но по сравненію съ сентябремъ 1905 г. даже отошли назадъ.

V.

Какъ, возразятъ соціалъ-домократы, вы насъ считаете идеалистами, даже просто утопистами! Какое невѣжество! Утописты были 70 лѣтъ тому назадъ. Тогда думали, что соціалистическій строй осуществится благодаря всеобщему убѣжденію въ его нравственномъ превосходствѣ надъ всякимъ другимъ строемъ. Но въ наше время соціализмъ уже давно сталъ наукой, совершенно чуждой субъективныхъ этическихъ примѣсей.

Мы соціалъ-демократы, слѣдуя Марксу, даже вовсе отрицаемъ возможность существованія чистаго, лишеннаго всякой классовой подоплеки идеала; во всѣхъ идеологіяхъ мы видимъ единственно результаты извѣстныхъ производственныхъ отношеній, предписывающихъ тому

или другому классу соотвѣтствующій образъ мыслей, опредѣленныя стремленія и цѣли.

Дѣйствительно, соціалъ-домократы наши крѣпко вѣруютъ въ Маркса, но понимаютъ его ученіе не такъ, какъ того требуетъ холодная логика, а какъ велитъ ихъ идеалъ, ихъ пылкое желаніе борьбы, подвижничества.

Въ самомъ дѣлѣ, по Марксу, политическая революція, какъ и все вообще въ жизни народовъ, вызывается развитіемъ производительныхъ силъ, порождающихъ новые виды и новую организацію хозяйственной жизни народа, что въ свою очередь порождаетъ новыя общественныя отношенія, не укладывающіяся въ рамки старой государственности, соотвѣтствующія прежнимъ видамъ хозяйственныхъ отношеній. Современное развитіе производительныхъ силъ всюду стихійно приводитъ къ капитализму, такъ какъ онъ обезпечиваетъ обществу наибольшее количество продуктовъ, а капитализмъ можетъ развиваться только при гражданской свободѣ и народномъ просвѣщеніи; тамъ же, гдѣ старый полицейски-бюрократическій строй, соотвѣтствующій прежнимъ феодально-крѣпостническимъ формамъ хозяйственной жизни, затрудняетъ осуществленіе этихъ условій капиталистическаго развитія, послѣднее приводитъ страну къ политической революціи т.-е. къ созданію такого государственнаго строя, который бы ему не препятствовалъ. Такимъ строемъ можетъ быть только конституціонный. Въ противоположность полицейски-бюрократическому, несовмѣстимому со свободой и просвѣщеніемъ гражданъ, онъ основывается именно на свободѣ и просвѣщеніи народа, такъ какъ лишь тогда онъ можетъ правильно функціонировать. Отъ политической революціи непосредственно больше всего выигрываютъ представители капитала, получающаго возможность свободнаго развитія и, поэтому, всѣ большія въ Европѣ революціи приводившія къ введенію конституціонализма, Марксъ объявляетъ буржуазными: рабочій классъ заинтересованъ въ нихъ лишь постольку, поскольку конституціонныя свободы, распространеніе обра-

зованія и участіе въ государственной власти облегчаютъ ему подготовку къ соціальной революціи, этой главной цѣли всѣхъ его надеждъ и помысловъ.

Въ Россіи, очевидно, буржуазная революція, и, слѣдовательно, послѣ 17-го октября 1905 года соціалъ-демократы должны были признать ее завершившейся. Великій актъ 17-го октября, объявившій гражданскія свободы, признавшій за Государственной Думой рѣшающій голосъ, былъ актомъ революціоннымъ, рѣшительно порывавшимъ со старымъ строемъ. Все дѣло теперь было въ его проведеніи въ жизнь, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что бюрократія, тогда совершенно изолированная и чувствовавшая свое безсилье, дѣйствительно собиралась въ то время осуществлять манифестъ въ полномъ объемѣ *). И если бы тогда всѣ политическія партіи объединились въ одномъ стремленіи побудить правительство поскорѣе созвать Государственную Думу, то бюрократія должна была бы податься. Политическое руководительство теперь слѣдовалобы предоставить уже чисто буржуазнымъ партіямъ такъ какъ „прежде чѣмъ всѣ слои буржуазіи и въ особенности ея самый прогрессивный слой, промышленники, не завоевали политической власти и не преобразовали государство соотвѣтственно своимъ потребностямъ, движеніе рабочаго класса никогда не можетъ быть сомостоятельнымъ и будетъ лишено чисто-пролетарскаго характера“. (Марксъ. Революція и контръ-революція въ Германіи).

Но на дѣлѣ именно послѣ 17-го октября наши соці-

*) Оффиціальный „Сельскій Вѣстникъ“ тогда разсылалъ по всѣмъ волостнымъ правленіямъ популярныя брошюры, въ которыхъ совершенно опредѣленно говорилось о „неотложной необходимости обновить русскій правительственный строй“, такъ какъ нельзя уже попрежнему всю надежду возлагать на однихъ чиновниковъ“... Народу даны права спрашивать черезъ Государственную Думу съ властей, которыя не по праву поступаютъ“... Предсѣдатель совѣта министровъ — это лицо, „съ котораго Государь и Государственная Дума могли бы спросить, какъ онъ выполнилъ волю Царя и народа“.

алъ-демократы приложили всѣ усилія, чтобы воспрепятствовать буржуазіи ликвидировать старый строй и тѣмъ покончить революцію. Тогдашняя соціалъ-демократическая печать громко заявляла, что пролетаріатъ не долженъ довольствоваться той конституціей, которой его собирается наградить предательская буржуазія, хотя бы совсѣми четырехвостками и свободами. Пролетаріатъ долженъ добиваться во что бы то ни стало полновластнаго Учредительнаго Собранія, такъ какъ только оно сможетъ обезпечить ему всѣ плоды его побѣды. Старая власть и примыкающая къ ней крупная буржуазія, конечно, никогда добровольно не согласятся на созывъ Учредительнаго Собранія и подчиняться только силѣ; пролетаріатъ долженъ, поэтому, продолжать свою революцію, пока не сразитъ всѣхъ своихъ враговъ.

Правда, такое самостоятельное изолированное выступленіе пролетаріата противорѣчило духу теоріи Маркса, но зато оно согласовалось съ повышеннымъ настроеніемъ соціалъ-демократической молодежи, съ ея жаждой борьбы, подвижничества.

Впрочемъ, Марксова догма была тогда „дополнена“ двумя новыми теоріями: 1) О преимущественныхъ правахъ пролетаріата на использованіе революціи и 2) о спеціально-присущихъ революціи творческихъ силахъ.

Россійская революція сдѣлана главнымъ образомъ пролетаріатомъ, а между тѣмъ ея плоды, какъ всегда, хочетъ пожать жадная буржуазія, оставивъ пролетаріатъ при однихъ объѣдкахъ. Мало того, она собирается отплатить пролетаріату за всѣ его жертвы самою черною неблагодарностью; за его спиною она вступаетъ въ переговоры со старой властью для ликвидаціи революціи исключительно въ своихъ классовыхъ интересахъ и, если пролетаріатъ станетъ поперекъ дороги, то она, конечно, не остановится, подобно французскимъ буржуа 48-го года, передъ массовыми разстрѣлами вырвавшихъ ей свободу борцовъ-пролетаріевъ. Но русскій пролетаріатъ не повторитъ ошибки своихъ западныхъ собратьевъ и руко-

водимый соціалъ-демократіей используетъ революцію прежде всего въ своихъ собственныхъ классовыхъ интересахъ. Пролетаріатъ вынудитъ буржуазію согласиться на принятіе его программы minimum, т.-е. на удовлетвореніе всѣхъ тѣхъ экономическихъ и политическихъ требованій, осуществленіе которыхъ еще совмѣстимо съ сохраненіемъ буржуазнаго строя *).

Это будетъ только справедливымъ воздаяніемъ за жертвы, понесенныя пролетаріатомъ въ его борьбѣ за общенародную свободу; и только тогда революція должна закончиться.

Нужно ли доказывать, что эта теорія явно противорѣчитъ духу Марксизма: «преимущественное право» на использованіе революціи доказывается не вліяніемъ производственныхъ факторовъ, единственно рѣшающихъ, по Марксу, а такими идеальными невѣсомыми, какъ справедливость, воздаяніе за жертвы.

Еще дальше идетъ отклоненіе отъ Маркса въ теоріи о присущихъ революціи творческихъ силахъ, могущихъ парализовать дѣйствіе объективныхъ экономическихъ факторовъ.

«Революція — творецъ, не знающій себѣ равнаго въ исторіи» — писала 1-го декабря 1905 года газета «Начало», бывшая органомъ меньшевиковъ; «Революція можетъ оказаться... непрерывнымъ, необрывающимся, растянутымъ на года процессомъ— вплоть до конечной соціалистической революціи».

Въ своемъ предисловіи къ «Парижской Коммунѣ» Маркса извѣстный соціалъ-демократическій публицистъ г. Троцкій подробно обосновываетъ этотъ взглядъ на революцію.

Пролетаріатъ, выносящій на своихъ плечахъ всю тя-

---

*) Программа maximum соціалъ-демократовъ требуетъ обобществленія производства, на что буржуазія, какъ таковая, конечно никогда не согласится: программа minimum является для буржуазіи maximum того, что она можетъ вообще дать пролетаріату, не разрушая всего буржуазнаго строя производства.

жесть происходящей въ Россіи революціи, при побѣдѣ надъ старой властью предстаетъ предъ всей страной, какъ классъ-освободитель, и «народное представительство, созванное подъ руководствомъ пролетаріата, заручившагося поддержкой крестьянства, явится ничѣмъ инымъ, какъ демократическимъ оформленіемъ господства рабочей демократіи».

Очевидно соціалъ-демократія, очутившись у власти, воспользуется ею для обобществленія производства, первоначально по системѣ оазисовъ, а именно, организовавъ производство на нѣкоторыхъ фабрикахъ и заводахъ за государственный счетъ, уничтоживъ право наслѣдства и т. д.

Правда, по Марксу, обобществленіе производства можетъ явиться результатомъ только соотвѣтствующаго развитія производственныхъ отношеній, но г. Троцкій рѣшаетъ, что «день и часъ, когда власть перейдетъ въ руки рабочаго класса, зависитъ непосредственно не отъ уровня производительныхъ силъ, а... отъ ряда субъективныхъ моментовъ: традиціи, иниціативы, боевой готовности», такъ какъ хозяйственное развитіе уже давно сдѣлало соціализмъ объективно выгоднымъ строемъ»— соображеніе, высказывавшееся еще французскими утопистами первой половины минувшаго столѣтія, думавшими, что для осуществленія соціализма достаточно одного только всеобщаго сознанія, что этотъ строй самый разумный и выгодный. Г. Троцкій только прибавляетъ еще творческія силы революціи, выражающіяся къ созданіи упомянутыхъ субъективныхъ моментовъ.

Послѣ декабрьскаго пораженія нѣкоторые соціалъ-демократическіе публицисты стали открещиваться отъ этихъ положеній, объявивъ «троцкизмъ» непозволительной ересью, отвѣтственность за которую лежитъ исключительно на ея авторѣ, но на дѣлѣ въ бурные ноябрьскіе и декабрьскіе дни «троцкизму» подпѣвали оба руководящіе соціалъ-демократическіе органы «Начало» и «Новая Жизнь». Въ «Началѣ» г. Троцкій господствовалъ

всецѣло, а «Новая Жизнь» хотя расходившаяся по нѣкоторымъ вопросамъ съ «Началомъ», въ номерѣ отъ 26 ноября открыто взяла подъ свою защиту «товарища Троцкаго отъ нападеній» экспертовъ на соціалъ-демократію», изъ «Нашей Жизни», во что бы то ни стало «желающихъ отыскать какое нибудь острое, пикантное разногласіе между соц.-демократами»—между тѣмъ какъ «рѣшимость послѣ политической освободительной революціи какъ можно скорѣе и полнѣе совершить революцію соціальную имѣется у всей рос. соц.-дем. рабочей партіи». Въ томъ же номерѣ напечатана статья Луначарскаго, въ которой имѣются слѣдующія характерныя строки:

«Но что же теперь? Если пролетаріатъ, соорганизовавшись въ процессѣ революціи, добьется власти—выпуститъ ли онъ ее изъ рукъ? Не будетъ ли послѣдній рѣшительный ударъ противъ политическаго гнета первымъ ударомъ противъ капитала? Не приступитъ ли побѣдоносный пролетаріатъ немедленно къ ряду реформъ, выходящихъ за рамки революціонной борьбы съ реакціей и осуществленію программы minimum? Не пойдетъ ли впередъ пролетаріатъ, ни минуты не передохнувъ на станціи «Свобода», прямо къ станціи «Соціализмъ»?.. «Успокаивая свой страхъ буржуазные публицисты отрицаютъ рѣшительно возможность соціальной революціи въ Россіи въ виду недостаточной капиталистической зрѣлости страны, слабой концентрированности капиталовъ. Но никто и не мечтаетъ о немедленной организаціи всего производства на чисто-соціалистическихъ началахъ. дѣло можетъ идти лишь о томъ, чтобы «обезглавить» капитализмъ, обобществивъ тѣ отрасли производства, которыя болѣе или менѣе созрѣли для этого. Такимъ образомъ созданъ будетъ громадный экономическій центръ, который будетъ могуче регулировать экономическую жизнь страны, способствуя тому, что отдѣльныя еще не соціализированные элементы производства, станутъ быстро подниматься по культурной лѣстницѣ къ полному и законченному соціалистическому строю, шагая разомъ черезъ

нѣсколько ступеней. Само собою разумѣется, что необходимой предпосылкой для такихъ успѣховъ пролетарской революціи является сплоченность, организованность и сознательность всего русскаго пролетаріата».

Дополняющіе Марксову догму субъективные моменты г. Луначарскаго «сплоченность, организованность и сознательность» очевидно можно поставить въ паралель съ пресловутыми «традиціей, инціативой и боевой готовностью» г. Троцкаго.

Увлеченію «троцкизмомъ» положилъ конецъ только ужасный разгромъ, которымъ кончилось декабрьское выступленіе пролетаріата; вызванное имъ разочарованіе повлекло къ идейной реакціи, снова выдвинувшей на первое мѣсто г. Плеханова, совершенно было стушевавшагося въ героическіе осенніе дни. Вмѣстѣ съ Плехановымъ возродился «меньшевизмъ».

Какъ извѣстно дѣленіе соц.-демократовъ на «большевиковъ» и «меньшевиковъ» началось еще въ 1903 году, послѣ 2-го съѣзда партіи, большинство котораго настояло на проведеніи въ партійную организацію строго-централистическихъ принциповъ. Меньшинство же стояло за децентрализацію и сначала подчинилось рѣшенію большинства, но впослѣдствіи путемъ разныхъ закулисныхъ исторій сумѣло выжить «большевиковъ» изъ всѣхъ центральныхъ учрежденій партіи, центральнаго комитета и редакціи «Искры».

Комитеты, оставшіеся вѣрными «большевикамъ», объединились тогда вокругъ новой центральной организаціи «Бюро комитетовъ большинства» съ центральнымъ органомъ «Пролетарій». Теперь расколъ становился уже идейнымъ, и все росли принципіальныя разногласія по важнѣйшимъ текущимъ вопросамъ. Въ маѣ 1905 года «большевикамъ» удалось привлечь на свою сторону, нѣкоторыхъ членовъ меньшевистскаго центральнаго комитета и при ихъ содѣйствіи созвать 3-ій съѣздъ партіи, на что «меньшевики» отвѣтили созывомъ конференціи.

Осенью 1905 года «большевики» и «меньшевики»

дѣйствовали подъ знаменемъ «троцкизма» въ общемъ довольно дружно и въ декабрѣ даже нашли возможнымъ объединить свои партійные органы въ одинъ общій. И, какъ сказано, только послѣ декабрьскихъ событій «меньшевизмъ» снова рѣзко порвалъ какъ съ «троцкизмомъ» такъ и съ «большевизмомъ». «Троцкизмъ», впрочемъ скончался естественной смертью еще въ началѣ декабря за плѣненіемъ г. Троцкаго. Съ большевиками расколъ возникъ на почвѣ объявленныхъ тогда выборовъ въ Думу. «Большевики» стояли за полный бойкотъ какъ самой Думы, такъ и всѣхъ стадій выборовъ. «Меньшевики» же сначала высказывались за участіе въ первой стадіи выборовъ, а потомъ и вообще за полное признаніе Думы. Мнѣніе большевиковъ одержало верхъ—пролетаріатъ въ выборахъ не участвовалъ. Но Дума все-таки собралась и сразу стала очень популярной; и на съѣздѣ, созванномъ передъ самымъ открытіемъ Думы, большевики совершенно неожиданно для себя сумѣли собрать всего 46 голосовъ. Остальные 62 принадлежали меньшевикамъ. Несмотря на оппозицію «большевиковъ» съѣздъ принялъ всѣ резолюціи «меньшевиковъ». «Большевикамъ» оставалось только подчиниться; послѣ съѣзда расколъ былъ объявленъ законченнымъ и началось сліяніе мѣстныхъ параллельныхъ организацій обѣихъ фракцій.

Роспускъ Думы и неудача объявленной меньшевистскимъ центральнымъ комитетомъ всеобщей забастовки снова окрылили большевиковъ; они опять стали откалываться отъ меньшевиковъ и завели особый печатный органъ «Пролетарій» для отстаиванія своихъ взглядовъ.

VI.

Основное различіе «меньшевиковъ» и «большевиковъ»—въ ихъ неодинаковомъ пониманіи значенія соц.-демократіи для пролетаріата. «Меньшевики» совершенно отрицаютъ за соц.-демократіей всякое самостоятельное значеніе.

Сознательная часть пролетаріата, его соц.-демократія не должна задаваться какими бы то ни было особыми планами—она только осмысливаетъ свѣтомъ Марксова ученія общее движеніе пролетаріата, какимъ его создаетъ сама жизнь, и передаетъ это пониманіе пролетаріату; вмѣстѣ съ пролетаріатомъ она намѣчаетъ ближайшія цѣли движенія, лежащія по направленію общей его равнодѣйствующей, стараясь, чтобы ихъ достиженіе было связано съ минимальной затратой силъ.

Непреложность теоріи Маркса является ручательствомъ, что движеніе пролетаріата, если только его не собьютъ на ложный путь разные еретики, въ конечномъ счетѣ всегда направлено къ обобществленію производства, не нужно только насиловать исторіи, заскакивая впередъ, прыгая сразу на двѣ ступеньки и т. п.

Нельзя, однако, вслѣдъ за большевиками обвинять меньшевиковъ въ оппортунистическомъ съуживаніи задачъ пролетаріата, въ преступномъ бернштейніанствѣ и другихъ смертныхъ грѣхахъ. Какъ извѣстно, Бернштейнъ провозгласилъ, что движеніе—все, а конечная цѣль—ничто, настолько ничто, что нѣтъ никакого смысла принципіально дѣлать злые глаза буржуазіи и тѣмъ безъ всякой нужды создавать себѣ лишнихъ враговъ. Меньшевики же во главѣ съ Плехановымъ, напротивъ того, крѣпко вѣруютъ въ конечную цѣль и настаиваютъ на неукоснительномъ дѣланіи злыхъ глазъ буржуазіи—только такъ можетъ быть соблюдена чистота классоваго самосознанія пролетаріата, это одно изъ важнѣйшихъ условій его грядущей побѣды. Меньшевики только не хотятъ строить иллюзіи на счетъ истиннаго характера происходящей въ Россіи революціи.

Несмотря на то, что движущей силой русской революціи является пролетаріатъ, она все-таки можетъ быть только буржуазной и вопросъ о соціальной революціи выходитъ въ данный моментъ за предѣлы реальной политики; о подготовкѣ къ соціальной революціи можно говорить только послѣ завершенія буржуазной. Развитіе

капитализма и связанныхъ съ нимъ классовыхъ противорѣчій лишаетъ буржуазію возможности брать на себя роль «общенаціональнаго борца», какъ это было въ революціи Запада, но все-таки результаты совершающейся революціи пойдутъ на пользу прежде всего буржуазіи, создадутъ ея классовую диктатуру. Самостоятельное классовое выступленіе пролетаріата совершенно безцѣльно; если онъ пойдетъ противъ буржуазіи и будетъ бороться за соціальную революцію, то будетъ раздавленъ. Но, конечно, пролетаріатъ все-таки не долженъ оставаться равнодушнымъ къ ходу буржуазной революціи, такъ какъ его интересы требуютъ, чтобы она была доведена до конца: господство буржуазіи это необходимый этапъ на пути къ соціализму.

Главная бѣда русской революціи, что послѣ 17-го октября не было такой демократической партіи, которая смогла бы, опираясь на довѣріе и поддержку массы населенія, властно потребовать у правительства сдѣлать немедленно практическіе выводы изъ манифеста 17-го октября. Союзы демократической интеллигенціи въ октябрѣ не представляли еще сколько-нибудь видной политической силы, потому что они не имѣли ни самостоятельной политической платформы, ни самостоятельныхъ связей въ массѣ городской и сельской мелкой буржуазіи. При такихъ условіяхъ, союзъ пролетаріата съ ними могъ играть роль только извѣстнаго педагогическаго пріема по отношенію къ демократіи, но въ октябрѣ революція переживала такой боевой моментъ, когда интересы педагогики могли пойти въ разрѣзъ съ интересами политики т. к. пролетаріатъ оказался „единственнымъ активнымъ борцомъ на полѣ брани“ и началъ немедленно осуществлять экономическую программу minimum соціалъ-демократіи, не координируя борьбы съ общимъ ходомъ буржуазной революціи, что привело къ экономической и политической организаціи контръ-революціи. Соціалъ-демократіи оставалось только слѣдовать за этимъ роковымъ движеніемъ пролетаріата: „они должны были себѣ

сказать то, что сказалъ Бланки въ анологичномъ положеніи: puisque je suis le chef, il faut que j'obeisse (такъ какъ я вождь, я долженъ подчиняться).

Декабрьское выступленіе пролетаріата окончилось полной неудачей,—такъ этого и слѣдовало ожидать. Какой могъ быть иной результатъ массовыхъ дѣйствій одного пролетаріата? Населеніе, конечно, сочувствовало его освободительной борьбѣ, но дальше такого платоническаго сочувствія дѣло не шло, да и не могло итти. Нельзя же было серьезно разсчитывать, чтобы средняя и мелкая буржуазія примкнули къ соціалистическимъ организаціямъ съ ихъ требованіями диктатуры пролетаріата. А другихъ революціонныхъ организацій, способныхъ въ критическій моментъ вмѣшаться въ борьбу между пролетаріатомъ и правительствомъ, не было совершенно.

Главной задачей русской революціи является, поэтому, образованіе такой революціонно-демократической партіи, которая смогла бы организовать широкія массы населенія для активной освободительной борьбы.

Соціалъ-демократы, конечно, не могутъ взять на себя организацію такой, хотя революціонной, но вполнѣ буржуазной партіи; имъ остается только постоянно толкать впередъ къ революціоннымъ лозунгамъ и дѣйствіямъ буржуазныя партіи и, вообще, способствовать революціонизированію населенія.

Россійская революція, можетъ быть только буржуазной, формальная гегемонія должна, поэтому принадлежать буржуазнымъ партіямъ, и во временное правительство, которое закончитъ революцію, соціаль-демократы не должны входить вовсе: не дѣло соціалъ-демократіи помогать водворенію буржуазнаго порядка; къ тому же прямое сотрудничество съ представителями буржуазіи способно затуманить классовое самосознаніе пролетаріата. Но политическая гегемонія все-таки останется за соціалъ-демократіей, какъ представляющая классъ съ наиболѣе революціонными въ силу самаго его положенія лозунгами и иниціативой.

Изъ этихъ общихъ положеній меньшевиковъ вытекаютъ ихъ тактическія директивы, предложенныя ими на 4-мъ съѣздѣ партіи и принятыя имъ съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями.

a) *По аграрному вопросу*: за поддержку революціоннаго выступленія крестьянства вплоть до конфискаціи всѣхъ казенныхъ и крупныхъ частновладѣльческихъ земель; конфискованныя земли должны быть переданы въ распоряженіе выбранныхъ на демократическихъ началахъ крупныхъ органовъ мѣстнаго самоуправленія.

Это требованіе „муниципализаціи“ земли очень характерно для меньшевиковъ. Въ крестьянствѣ они, вообще, видятъ ненадежнаго союзника для революціи. Его стремленіе къ соціализаціи земли, упорно поддерживаемое соціалистами-революціонерами, по существу своему реакціонно, такъ какъ осуществленіе такой соціализаціи затормозитъ развитіе капитализма, и правовѣрные маркисты должны съ нимъ бороться. Но крестьянство можно поднять, только посуливъ ему землю. Требовать вмѣстѣ съ большевиками націонализаціи земли, т.-е. передачи ея государству, опасно: вѣдь власть въ государствѣ можетъ оказаться въ рукахъ реакціонныхъ элементовъ, и владѣя всей землей они смогутъ обратить „насытившееся“ крестьянство въ орудіе контръ-революціи, которая снесетъ всѣ завоеванныя свободы; при муниципализаціи земли такой опасности нѣтъ, а, главное, она сможетъ явиться могучимъ импульсомъ для развитія революціоннаго движенія, такъ какъ создастъ для крестьянства на мѣстахъ совершенно опредѣленныя цѣли: захватъ частновладѣльческихъ земель и установленіе революціоннаго самоуправленія для завѣдыванія этими землями.

b) *По отношенію къ Государственной Думѣ* за ея поддержку, какъ органа, способнаго дать революціи объединяющій центръ. Правда, въ Думѣ преобладаютъ представители буржуазіи, кадеты, и власть ея ничтожна, но революціонная роль ея можетъ быть очень велика.

Нужно только „планомѣрно использовать всѣ конфликты, возникающіе какъ между правительствомъ и Думой, такъ и внутри самой Думы, въ интересахъ расширенія и углубленія русла революціоннаго движенія и для этого постоянно толкать буржуазныя партіи на все болѣе и болѣе рѣшительную оппозицію.

Руководствуясь этими соображеніями, меньшевики въ маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ, когда на очереди стоялъ вопросъ о кадетскомъ министерствѣ, высказались за его поддержку; на указанія большевиковъ, что кадеты „прирожденные соглашатели“ склонные ко всякаго рода „предательскимъ сдѣлкамъ со старой властью“, меньшевики отвѣчали, что конституціи всего міра являются въ той или иной мѣрѣ „сдѣлками со старой властью“. „Есть ли хоть одна демократическая буржуазная партія въ мірѣ, которая бы не стремилась къ такой сдѣлкѣ?“ „Какое же значеніе имѣютъ наши утвержденія, что настоящая революція въ Россіи есть революція буржуазная, и наши завѣренія, что с.-д. должны поддерживать всякое оппозиціонное и революціонное движеніе, когда мы должны отказывать въ поддержкѣ всѣмъ партіямъ, склоннымъ къ сдѣлкамъ, т.-е. всѣмъ буржуазно-демократическимъ партіямъ?“

с) По вопросу о вооруженномъ возстаніи меньшевики высказались уклончиво: они признаютъ, что „революціонная борьба... уже ставила и еще поставитъ народъ передъ необходимостью вооруженнаго возстанія“, но наиболѣе вѣрнымъ и скорымъ способомъ подготовки возстанія является не техническая его организація комитетами партіи, какъ этого добиваются большевики, а „расширеніе и усиленіе агитаціонной дѣятельности партіи“.

Вѣрные своимъ основнымъ взглядамъ на роль соціалъ-демократіи, меньшевики не хотятъ сами брать на себя иниціативу дѣйствій, успѣхъ которыхъ зависитъ прежде всего отъ соотвѣтствующаго настроенія массъ.

Такая осторожная приспособляющаяся тактика, конечно, не можетъ улыбаться русской молодежи, и поэтому въ ея средѣ меньшевиковъ сравнительно немного.

Особенно непопулярно положеніе меньшевиковъ, что пролетаріатъ и его соціалъ-демократія не въ состояніи такъ подвинуть впередъ революцію, какъ это могла бы сдѣлать буржуазная революціонно-демократическая партія. Правда, послѣдняя будетъ создана только благодаря подталкиванію соціалъ-демократіи; но не лучше ли жаждущей революціонной борьбы соціалъ-демократической молодежи прямо образовать такую партію? Не нужно будетъ тогда затрачивать энергіи на «толчки».

Но это строго воспрещается. Соціалъ-демократы ни въ коемъ случаѣ не должны покидать своего пролетаріата; если они, хотя бы короткое время, будутъ итти вмѣстѣ съ демократической буржуазіей, то классовое самосознаніе пролетаріата потерпитъ громадный ущербъ. Всякая буржуазія, даже самая демократическая, является исконнымъ врагомъ пролетаріата. Ради общей очередной задачи пролетаріатъ можетъ временно поддерживать буржуазію своимъ мощнымъ напоромъ, но долженъ всегда помнить, что это врагъ, съ которымъ можно вмѣстѣ поражать старый строй, но итти въ атаку слѣдуетъ врозь...

Какая, однако, хрупкая вещь это классовое самосознаніе пролетаріата! Оно рискуетъ разбиться, если полгода не кричать о немъ.

VII.

Въ противоположность меньшевикамъ, большевики придаютъ большое самостоятельное значеніе соціалъ-демократіи, какъ идейной руководительницѣ пролетаріата.

Въ своемъ блестящемъ памфлетѣ „Что дѣлать“, появившейся еще въ 1902 году, главный вдохновитель большевиковъ, г. Ленинъ, доказывалъ, что пролетаріатъ, предоставленный самому себѣ, неизбѣжно сбивается на безъидейный экономизмъ, на будничную трэдъ-юніонскую борьбу англійскихъ рабочихъ; только интеллигенція, проникну-

тая идеологіей пролетаріата, какъ ее открылъ Марксъ, можетъ поднять пролетаріатъ до сознанія своихъ истинныхъ классовыхъ задачъ и повести его на борьбу за соціализмъ. Въ переживаемый Россіей историческій моментъ истинно соціалъ-демократическое руководительство пролетаріатомъ имѣетъ особенно большое значеніе.

„Отсутствіе сильной и политической организованной промышленной городской буржуазіи дѣлаетъ пролетаріатъ, какъ наиболѣе сознательный и революціонный классъ капиталистическаго общества, главнымъ борцомъ за свободу хозяйственнаго развитія страны, стѣсняемой полицейско-крѣпостническимъ строемъ, и главнымъ противникомъ этого строя".

Соціалъ-демократія поэтому должна позаботиться, чтобы руководимый ею пролетаріатъ какъ можно лучше использовалъ эту столь выгодную для него историческую конъюнктуру; отъ усилій пролетаріата зависитъ форма политическаго строя будущей новой Россіи.

Конечно, сразу соціалистическаго строя пролетаріату собственными силами въ Россіи не создать; но если примѣръ русскаго пролетаріата революціонизируетъ пролетаріатъ Запада, гдѣ уже имѣются налицо объективныя условія для обобществленія производства и недостаетъ только иниціативнаго толчка, то соціальная революція на Западѣ, конечно, перейдетъ возвратнымъ ударомъ и въ Россію: не станетъ же мириться соціализированный Западъ съ продолжающимся господствомъ буржуазнаго хозяйства въ сосѣдней 150 милліонной странѣ.

Но пока еще отъ соціализма русскій пролетаріатъ отдѣляютъ двѣ ступени. Первая — это господство крупной буржуазіи, выражающееся въ конституціонной монархіи, результатѣ сдѣлки между реакціей и крупной буржуазіей. Вторая—это господство мелкой буржуазіи, выражающееся въ демократической республикѣ, гарантирующей полновластіе народа.

Пролетаріатъ долженъ, конечно, прыгнуть сразу на вторую ступень; подъемъ на первую ступень можетъ со-

вершиться благодаря простой эволюціи и даже помимо непосредственнаго содѣйствія пролетаріата.

Интересы капиталистическаго производства вовсе не требуютъ непремѣнно политическаго господства крупной буржуазіи.

Что вообще значитъ политическое господство мелкой буржуазіи? Это прежде всего полная демократизація государственнаго строя. А опытъ государствъ Запада неопровержимо свидѣтельствуетъ, что именно при такой полной демократизаціи капитализмъ развивается лучше всего. Нигдѣ капиталъ не чувствуетъ себя такъ вольготно, какъ въ Сѣверо-Американской и Французской республикахъ.

Но пролетаріатъ не ограничится одними политическими завоеваніями. Пользуясь своей преобладающей ролью въ революціи, онъ настоитъ и на осуществленіи своей экономической программы minimum. Вытекающее изъ нея удорожаніе наемнаго труда тоже не сможетъ воспрепятствовать развитію въ Россіи капитализма и, значитъ, не оттянетъ грядущаго торжества соціализма.

Опытъ того же Запада доказываетъ, что высокая оплата наемнаго труда способствуетъ росту крупныхъ производствъ, такъ какъ затрудняетъ конкуренцію мелкихъ, не обладающихъ большимъ оборотнымъ капиталомъ; кромѣ того, предприниматели должны тогда обращать большое вниманіе на техническое усовершенствованіе своихъ производствъ, чтобы по возможности сократить приложеніе ручного труда. Въ Соединенныхъ Штатахъ лучшія въ мірѣ условія труда, и концентрація капитала и техническій прогрессъ сдѣлали наибольшіе успѣхи.

Соціалъ-демократія поэтому не должна смущаться передъ перспективой прыжка сразу черезъ двѣ ступеньки и настойчиво готовить къ нему пролетаріатъ.

Русская революція будетъ не типично-буржуазной, завершеніе которой въ сдѣлкѣ со старымъ режимомъ а демократической; она должна закончиться только диктатурой демократіи, пролетаріата и мелкой буржуазіи; ихъ

представители образуютъ временное революціонное правительство, которое созоветъ учредительное собраніе и проведетъ цѣлый рядъ политическихъ и экономическихъ реформъ для окончательнаго закрѣпленія революціонныхъ завоеваній народа.

Тактическія директивы большевиковъ, поэтому, слѣдующія:

а) *По аграрному вопросу.* Большевики видятъ въ крестьянствѣ единственнаго прочнаго и серьезнаго союзника для пролетаріата въ его революціонной борьбѣ. Въ то время какъ мелкая буржуазія городовъ борется только противъ полицейскихъ проявленій стараго строя, препятствующихъ развитію нужной ей гражданственности,— мелкая буржуазія селъ, т.-е. хозяйствующее крестьянство, вынуждено бороться противъ самыхъ основъ этой власти, выражающейся въ кабальной зависимости мужика отъ помѣщика.

Чтобы вовлечь широкія массы крестьянства въ революцію, имъ нужно обѣщать, помимо правовыхъ реформъ, конфискацію всѣхъ частновладѣльческихъ земель.

„Если рѣшительная побѣда современной революціи въ Россіи упрочитъ полновластье народа, т.-е. создастъ вполнѣ демократическій государственный строй, то соціалъ-демократія будетъ добиваться отмѣны частной собственности на землю и передачи всѣхъ земель въ собственность государства“.

Нечего бояться вмѣстѣ съ меньшевиками, что націонализація земли можетъ привести къ контръ-революціи, если государственная власть будетъ въ рукахъ реакціонеровъ. Когда дѣло дойдетъ до конфискаціи частновладѣльческихъ земель, то это будетъ обозначать, что пѣсенка стараго кабальнаго помѣщичьяго строя спѣта навсегда. „Коренная мѣра уничтоженія помѣщичьяго землевладѣнія немыслима безъ коренного измѣненія государственныхъ формъ, немыслима безъ того, чтобы народная и крестьянская мысль, требующая уничтоженія крупнѣйшей разновидности частной поземельной собственности,

не возставала противъ частной собственности на землю вообще.

Во всякомъ случаѣ, если меньшевики боятся реакціи государственной власти, то они одинаково должны бояться и реакціи въ муниципальныхъ учрежденіяхъ, въ завѣдываніе которыхъ они предлагаютъ передать частновладѣльческія земли. „Предполагать съ невиннымъ видомъ муниципально-демократическую автономію при реакціонной центральной власти и распространять эту „автономію“ на уничтоженія помѣщичьяго землевладѣнія — значитъ давать неподражаемые образчики наглядныхъ несообразностей или безконечной политической наивности“.

b) *По отношенію къ Государственной Думѣ* большевики весной и въ началѣ лѣта стояли за полный бойкотъ, видя въ Думѣ учрежденіе, нарочно изобрѣтенное контръ-революціей, чтобы принизить революціонный размахъ широкихъ массъ возбужденіемъ въ нихъ «разслабляющихъ конституціонныхъ иллюзій». Дума поставлена закономъ въ чрезвычайно узкія рамки, реальная ея власть сведена къ нулю, а положеніе о выборахъ почти вовсе лишаетъ пролетаріатъ возможности вліять на составъ Думы; она поэтому не можетъ стать органомъ революціонной власти и, слѣдовательно, только отводитъ глаза отъ революціи. Къ тому же, въ ней господствуютъ кадеты, эти злѣйшіе враги революціи; какъ представители испуганныхъ за свои доходы крупныхъ городскихъ буржуа и помѣщиковъ, кадеты хотятъ поскорѣе ликвидировать революцію путемъ соглашенія со старой властью. Поддержка кадетскаго министерства, на которой настаиваютъ меньшевики, равносильна для пролетаріата отказу отъ продолженія революціи и возвращенію въ прежнія будни.

Впрочемъ, по газетнымъ извѣстіямъ, въ будущихъ выборахъ въ Думу большевики рѣшили принять участіе, чтобы использовать ее, какъ трибуну для революціонной агитаціи.

c) *По вопросу о вооруженномъ возстаніи.* Больше-

вики придаютъ возстанію исключительно важное значеніе; только оно сможетъ привести къ пресловутому скачку черезъ двѣ ступени. Но «возстаніе—искусство»; нельзя надѣяться, какъ меньшевики, что оно выйдетъ само собой; его нужно дѣлать, и въ переживаемый Россіей моментъ главной задачей соціалъ-демократіи должна быть техническая и организаціонная подготовка вооруженнаго возстанія...

Эта вѣра въ вооруженное возстаніе чрезвычайно характерна для большевиковъ. Ихъ не обезкураживаютъ никакія неудачи. Въ августѣ «Пролетарій» попрежнему бредитъ вооруженнымъ возстаніемъ, попрежнему твердитъ о необходимости использовать опытъ декабрьскаго выступленія. Если его использовать хорошенько, то возстаніе должно, непремѣнно должно удасться. Вѣдь теперь пролетаріатъ уже все понялъ, а разъ онъ все понялъ, то, конечно, возстанетъ.

Большевики не хотятъ признать, что для вооруженнаго возстанія одного пониманія мало, что нужно еще одушевленіе, моральный экстазъ, а ихъ не создать никакой техникой и организаціей. Они повторяютъ вѣчную ошибку всѣхъ профессіональныхъ революціонеровъ, думающихъ, что народъ всегда готовъ къ революціи, всегда готовъ пойти на своихъ «притѣснителей»—нужно только ему хорошенько разъяснить, въ чемъ дѣло.

Въ наши дни, когда революціонная волна явно идетъ на убыль, положеніе большевиковъ поистинѣ трагично.

VIII.

За соціалистами-революціонерами утвердилось въ соціалъ-демократической литературѣ репутація „не настоящихъ“ соціалистовъ.

„Они потому носятъ двойное названіе, что ихъ соціализмъ нереволюціоненъ, а революціонность не имѣетъ ничего общаго съ соціализмомъ“... „Всѣ проповѣдуемыя

ими „соціализаціи“ и „кооперації“—только громкія слова, которыми они хотятъ скрыть свою мелко-буржуазную сущность“.

„Они защищаютъ интересы крестьянства, обреченнаго на неизбѣжную гибель стихійнымъ развитіемъ капиталистическимъ отношеній; съ точки зрѣнія пролетаріата, гибель эта необходима и поэтому желательна: чѣмъ скорѣе сконцентрируется въ рукахъ крупныхъ капиталистовъ все производство, тѣмъ скорѣе осуществится соціалистическій строй, и желающіе искусственно поддержать мелкую буржуазію соціалисты-революціонеры заслуживаютъ по всей справедливости названія соціалистовъ-реакціонеровъ“.

Мы, конечно, не будемъ приписывать соціалистамъ-революціонерамъ такихъ ужасныхъ грѣховъ. Какъ и во всѣхъ активныхъ дѣлателяхъ революціи, мы въ нихъ видимъ прежде всего людей молодого пылкаго сердца, даже еще болѣе пылкаго сердца, чѣмъ соціалъ-демократы, такъ жестоко надъ ними издѣвающіеся.

Въ противоположность соціалъ-демократамъ, которые только потому революціонеры, что того требуетъ отъ нихъ желаніе содѣйствовать торжеству соціализма—соціалисты-революціонеры сначала революціонеры, а потомъ ужъ соціалисты.

Для нихъ „смыслъ, цвѣтъ и содержаніе жизни—въ святомъ недовольствѣ всякимъ даннымъ состояніемъ и въ беззавѣтномъ непрерывномъ стремленіи къ лучшему“. И это стремленіе они „не промѣняютъ ни на какое спокойное и неподвижное обладаніе готовой истиной“; соціалъ-демократы обрѣли такую готовую истину въ своемъ марксизмѣ, но человѣчество вмѣстѣ съ соціалистами-революціонерами никогда не остановится въ своемъ стремленіи по пути къ воплощенію на землѣ правды-справедливости, и въ томъ, что намъ теперь кажется залитымъ свѣтомъ идеала, наши преемники откроютъ безобразныя пятна.

Исходя изъ этихъ положеній, соціалисты-революціонеры

отрицаютъ существованіе революціи, какъ отдѣльной эпохи въ исторіи. Революція никогда не прекращается, такъ какъ вся „исторія есть вѣчная борьба, вѣчное движеніе“... „революціонныя партіи—это живое воплощеніе динамическаго момента въ исторіи“; имъ только не всегда удается увлекать за собой широкія массы, которыя, какъ море, имѣютъ свои приливы и отливы.

Но для того, чтобы звать людей на революціонную борьбу, требующую полнаго самоотверженія, нужно указать имъ на опредѣленный идеалъ, ради котораго они пошли бы на все. Въ наше время такимъ идеаломъ можетъ быть только соціализмъ, и поэтому революціонерами могутъ быть только соціалисты.

Соціалъ-революціонеры не вѣрятъ, подобно соціалъ-демократамъ, что сама эволюція производственныхъ отношеній со всей стихійной силой историческаго закона ведетъ человѣчество къ обобществленію производства.

„Современное хозяйственное развитіе подготовляетъ лишь нѣкоторые матеріальные элементы для высшаго соціальнаго строя, развивая формы коллективнаго труда и производство въ крупныхъ общественныхъ размѣрахъ“. Рѣшающее значеніе будутъ имѣть не эти мертвые объективные факторы, а пробужденіе въ трудовомъ классѣ живого сознанія. Есть только одинъ трудовой классъ; онъ обнимаетъ и фабрично-заводскій пролетаріатъ и почти все хозяйствующее крестьянство—вообще всѣхъ тѣхъ, доходъ которыхъ извлекается, только благодаря личному труду.

Соціалъ-демократы видятъ въ крестьянахъ мелкихъ буржуа, такъ какъ они не продаютъ своей рабочей силы и работаютъ собственными орудіями производства. Но это несправедливо, такъ какъ основное отличіе буржуа—это присвоеніе имъ прибавочной стоимости, а крестьяне не только не присваиваютъ себѣ чьей бы то ни было прибавочной стоимости, но даже вынуждены сами отдавать большую часть продукта своего труда въ видѣ ренты помѣщику, въ видѣ налоговъ государству и т. д.

Пробужденіе во всемъ трудовомъ классѣ сознанія своего тягостнаго положенія и борьба со всѣми препятствующими этому условіями — такова главная задача соц.-революціонеровъ.

На ряду съ программой maximum, провозглашающей обобществленіе производства, соц.-революціонеры имѣютъ еще и программу minimum, выдвигающую ближайшія прикладныя задачи.

Программа minimum, какъ ее опредѣляетъ В. Черновъ, это равнодѣйствующая между линіей наибольшей общественной пользы, прямо ведущей отъ настоящаго момента къ соціализму, и извилистой кривой, выражающей путь наименьшаго сопротивленія для общественнаго прогресса. „Робкіе реформисты и опортунисты“ идутъ, конечно, второй дорогой. Въ извѣстные моменты, когда того требуетъ заранѣе намѣченное направленіе равнодѣйствующей, соціалисты-революціонеры могутъ итти вмѣстѣ съ ними; но изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы соц.-революціонеры размѣнивались на мелкую борьбу за мелкія реформы. Какъ революціонеры, они въ каждый данный моментъ выдвигаютъ основной боевой лозунгъ, прямо отвѣчающій на самую чувствительную сторону современности, и вокругъ котораго, какъ вокругъ нѣкотораго естественнаго центра, могли бы группироваться всѣ остальныя очередныя задачи партіи.

Въ современной Россіи такимъ центральнымъ пунктомъ должна быть борьба противъ устарѣлаго политическаго режима; съ ней тѣсно связаны всѣ требованія программы minimum, какъ политическія, такъ и экономическія, такъ какъ разрушеніе стараго строя можетъ явиться только результатомъ побѣдоноснаго возстанія трудящихся массъ, а послѣднія, конечно, не ограничатся одними политическими преобразованіями, а проведутъ еще цѣлый рядъ экономическихъ реформъ. Изъ нихъ главнѣйшая — это соціализація земли.

Требованіе соціализаціи земли составляетъ главное отличіе программы соц.-революціонеровъ отъ соціалъ-

демократической, и изъ-за него обѣими сторонами было переломано не мало копій.

Правда, съ лѣта 1905 года соц.-демократы обѣихъ фракцій тоже стоятъ за передачу всей земли крестьянству, но у нихъ это требованіе является, по ихъ собственному признанію, только тактическимъ лозунгомъ, чтобы заручиться поддержкой крестьянства, и они мало вѣрятъ въ его осуществимость. Между тѣмъ какъ у соц.-революціонеровъ соціализація земли выдвигается во главу угла.

Соціалъ-демократы обыкновенно возстаютъ противъ самаго термина „соціализація“, которому не мѣсто въ программѣ minimum: всякая соціализація можетъ быть осуществлена только при общемъ торжествѣ соціализма и, слѣдовательно, можетъ значиться только въ программѣ maximum.

Соц.-революціонеры на это возражаютъ, что соціализація не есть еще соціализмъ. Соціализація означаетъ лишь изъятіе чего-либо изъ подъ власти частной собственности и передачу въ общественныя руки, вовсе не предрѣшая пока „способа производительнаго пользованія“, а соціализмъ есть уже „извѣстный способъ планомѣрной организаціи всего производства обществомъ и для общества“. Поэтому соціализаціи земли въ деревнѣ соотвѣтствуетъ въ городѣ не соціализація фабрикъ, требующая полнаго переворота во всѣхъ хозяйственныхъ отношеніяхъ, а такая же соціализація земли, находящейся подъ городскими постройками.

Соціализація земли нисколько не противорѣчитъ принципамъ истиннаго марксизма, предписывающаго, по Каутскому, при составленіи программы minimum руководиться двумя основными соображеніями:

1) Совмѣстимо ли данное требованіе программы съ существованіемъ буржуазно-капиталистическаго строя?

2) Способно ли его проведеніе облегчить классовую борьбу пролетаріата, давъ толчокъ ея развитію и расчистивъ пролетаріату путь къ политическому господству?

Насчетъ „совмѣстимости“ имѣется категорическое

указаніе самого Маркса въ третьемъ томѣ „Капитала“, что „на извѣстной ступени развитія земельная собственность оказывается излишней и вредной даже съ точки зрѣнія капиталистическаго способа производства“—промышленный капиталъ начинаетъ тогда тяготиться своей обязанностью уплачивать землевладѣльцамъ непрерывно растущую ренту.

Что же касается „облегченія классовой борьбы пролетаріата“, то польза въ этомъ отношеніи соціализаціи неоспорима.

Во-первыхъ, соціализація земли подрѣжетъ хозяйственные корни существованія землевладѣльцевъ, повсемѣстно являющихся худшей опорой реакціи. Во-вторыхъ, она повлечетъ за собой и соціализацію ренты: суммы, которыя раньше шли въ руки земельныхъ собственниковъ, теперь перейдутъ обществу и смогутъ быть примѣнены для культурныхъ цѣлей, и, что еще важнѣе, благодаря владѣнію всей землей, общество получитъ возможность оказывать вліяніе на всю хозяйственную жизнь страны. Въ третьихъ, режимъ общественной поземельной собственности, развивая солидарность, подготовляетъ сознаніе для воспріятія идеаловъ соціализма. Въ четвертыхъ, соціализація земли прекратитъ притокъ въ города обнищавшихъ крестьянъ, сбивающихъ цѣны на трудъ.

Со всѣми этими 4 пунктами, дѣйствительно, нельзя не согласиться, и нужно признать, что даже со стороны ортодоксальнѣйшаго марксизма для соціализаціи земли не должно быть никакихъ препятствій. Весь вопросъ только въ ея осуществимости. Ссылка на 3-й томъ „Капитала“, къ несчастію, неубѣдительна: Марксъ говоритъ объ „извѣстной ступени развитія“; а достигла ли ея современная Россія? Вѣдь даже для такъ сильно опередившихъ насъ странъ Запада соціализація земли все еще не стала объективно необходимой.

Это—со стороны теоріи; а съ практической стороны соціализація земли уже совсѣмъ не выдерживаетъ критики. Ниже мы увидимъ, что она не только не прине-

сетъ большой пользы крестьянству, но даже скорѣе окажется для него прямо вредной.

Косвенный же вредъ отъ самой идеи «соціализаціи» уже теперь очень значителенъ. Это она отвратила отъ освободительнаго движенія помѣстное дворянство, сослужившее ему такую большую службу въ земскихъ учрежденіяхъ, и тѣмъ превратила прежній единодушный порывъ всего народа къ государственному обновленію въ гражданскую междоусобную войну со всѣми ея ужасами— извѣстно, что такая война гораздо больше ожесточаетъ противниковъ, чѣмъ война съ внѣшнимъ врагомъ.

IX.

Теоретическимъ положеніямъ соціал.-революціонеровъ вполнѣ соотвѣтствуетъ ихъ тактика.

Въ противоположность соц.-демократамъ, всегда старающимся опереться на дѣйствія массъ, соц.-революціонеры выдвигаютъ на первый планъ иниціативу отдѣльныхъ личностей, воплощающихъ пресловутый «динамическій моментъ въ исторіи».

Соц.-революціонеры, конечно, не отрицаютъ и громаднаго значенія массовыхъ дѣйствій; но въ то время какъ соц.-демократы хотятъ добиться возстанія массъ воздѣйствіемъ на ихъ логику, доказывая имъ всю практическую необходимость такого шага, и выше всего ставятъ пробужденіе яснаго классового сознанія—соц.-революціонеры предпочитаютъ бить на чувство, заражая блестящимъ примѣромъ, создавая захватывающую атмосферу борьбы, активнаго выступленія. Всему этому, особенно въ первыхъ стадіяхъ движенія, лучше всего отвѣчаетъ личный терроръ, и соц.-революціонеры начали его практиковать съ самаго своего появленія на политической аренѣ. Когда массы стали пробуждаться, соц.-революціонеры тотчасъ же подыскали для нихъ практическіе пути къ активному выступленію, считая, что одно лишь появленіе сознанія въ массахъ, столь цѣнимое соц.-демо-

кратіей, еще ничего не стоитъ, если не выражается въ соотвѣтствующихъ активныхъ дѣйствіяхъ. Такими практическими шагами должны быть для городского пролетаріата постоянныя затяжныя стачки, вооруженныя демонстраціи, а для крестьянства—захватъ помѣщичьихъ земель и сверженіе мѣстныхъ властей.

Но несмотря на такую рѣшительность въ дѣйствіяхъ, соц.-революціонеры вмѣстѣ съ тѣмъ и большіе практики и враги всякаго рода предвзятаго романтизма.

Поставивъ себѣ съ самаго начала главной очередной задачей разрушеніе страго строя, соц.-революціонеры не останавливаются ни передъ какимъ компромиссомъ, если того требуютъ интересы дѣла.

Въ то время, какъ соц.-демократы брезгаютъ всякими соглашеніями съ буржуазными партіями, какъ «съ врагами пролетаріата», и выше соображеній успѣха въ текущей борьбѣ ставятъ сохраненіе «бѣлоснѣжной чистоты» классоваго самосознанія рабочаго класса—соц.-революціоцеры не поколебались заключить въ декабрѣ 1904 года открытый блокъ со всѣми оппозиціонными буржуазными партіями для совмѣстной борьбы за политическое освобожденіе.

Такая податливость можетъ съ перваго взгляда показаться совершенно непонятной, и соц.-демократы не замедлили тогда заявить, что теперь они окончательно убѣдились, что соц.-революціонеры скрытые буржуа и враги пролетаріата.

Но, въ сущности говоря, эта черта соц.-револ. вполнѣ естествена. Они прежде всего люди живого захватывающаго дѣла; главными руководителямн партіи являются старые народовольцы, слишкомъ истомившіеся въ своей борьбѣ, чтобы поступаться ради торжества той или другой абстрактной формулы очередными интересами революціи.

Эта трезвенность соц.-револ., сочетающаяся съ такимъ безграничнымъ самоотверженнымъ идеализмомъ, побуждаетъ вѣрить искренности ихъ заявленій, что въ обно-

вленной Россіи они откажутся отъ своихъ боевыхъ лозунговъ, перекуютъ мечи на серпы и обратятся въ мирныхъ культурныхъ дѣятелей, въ которыхъ такъ нуждается родина.

Но за послѣдніе полгода физіономія соц.-рев. рѣзко измѣнилась. Старые народовольцы потеряли значительную долю своего вліянія, и въ партіи, прежде такой согласной, произошелъ форменный расколъ: выдѣлилась цѣлая группа „максималистовъ“ и сразу повела совершенно особую линію.

X.

Максималисты, какъ это говоритъ и ихъ названіе, признаютъ только программу maximum, требующую сразу полнаго обобществленія производства, а „благоразумно-умѣренныя“ требованія программы minimum отвергаютъ вовсе, какъ не приличествующія революціонерамъ.

Уже изъ нашего бѣглаго обзора основныхъ положеній партіи можно было убѣдиться, что ея программа minimum очень слабо связана съ общимъ теоретическимъ міросозерцаніемъ и до извѣстной степени виситъ, такъ-сказать, въ воздухѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ соц.-революціонерамъ программа minimum, самый принципъ которой ими позаимствованъ у соц-демократовъ. У послѣднихъ она, дѣйствительно, имѣетъ вполнѣ опредѣленный смыслъ, какъ директива для тѣхъ требованій, которыя могутъ быть осуществлены еще при буржуазномъ строѣ. Да и то она не смогла избавить ихъ отъ троцкистскаго навожденія.

Но у соц.-революціонеровъ программа minimum не имѣетъ никакого логическаго обоснованія. Если для обобществленія производства не ставится никакихъ опредѣленныхъ экономическихъ условій, и оно явится, главнымъ образомъ, какъ результатъ пробужденія въ трудовомъ классѣ яснаго сознанія своихъ истинныхъ интересовъ, то, значитъ, осуществленіе соціалистическаго строя

зависитъ прежде всего отъ усилій и успѣховъ революціонныхъ партій, ставящихъ своей задачею пробужденіе этого сознанія.

А какъ плохъ солдатъ, который не надѣется быть генераломъ, такъ плоха партія, которая не надѣется достичь указаннаго результата, благодаря сомоотверженной дѣятельности своихъ членовъ.

Программа minimum, какъ ее представляютъ себѣ „централисты“*),—это „равнодѣйствующая между взаимноборющимися силами стараго и новаго порядка“, по которой, должно-быть, пойдетъ общественный прогрессъ. Слѣдовательно, программа minimum „только возможная эволюція, только направленіе, и поэтому не можетъ служить точкой опоры, платформой для практической дѣятельности“.

„Заранѣе пригибаться къ этой равнодѣйствующей—значитъ неизбѣжно наклонить ее въ сторону враговъ рабочаго класса... Чтобы вырвать у судьбы максимумъ возможнаго, мы должны широко развернуть наше знамя, стремиться къ осуществленію задачи во всей ея широтѣ. Мы не понимаемъ тѣхъ ультра-благоразумныхъ людей, которые отъ дождя прячутся въ воду, которые изъ боязни, что жизнь урѣжетъ ихъ требованія, прибѣгаютъ къ операціи самоурѣзыванія“.

Подробное обоснованіе максимализма находимъ въ извѣстной брошюрѣ Е. Таг—ина „Принципы трудовой теоріи“.

Авторъ опредѣляетъ соціализмъ, какъ теорію наиболѣе справедливаго общественнаго устройства, которое наиболѣе совершенно воплощаетъ въ себѣ интересы трудовой личности. Интересы эти бываютъ основные и профессіональные.

Основной интересъ всякаго труженика,—въ полученіи

---

*) „Централистами“, т.-е. приверженцами центральнаго комитета партіи, максималисты называютъ тѣхъ соц.-рев., которые остались вѣрными старымъ вождямъ и ихъ программѣ minimum.

права на полный продуктъ своего труда; право это можетъ осуществить только соціалистическій строй, и стремленіе къ послѣднему непосредственно вытекаетъ изъ сознанія труженикомъ своего основного интереса. Но интересъ момента, интересъ профессіональный слишкомъ часто отклоняетъ труженика въ сторону прямо противоположную.

По условіямъ своей профессіи труженикъ обыкновенно чувствуетъ зависимость величины своего заработка отъ общихъ условій жизни буржуазнаго государства, отъ того, сумѣло ли государство обезпечить себѣ выгодные рынки, захватить богатыя колоніи и т. п.; часто также онъ производитъ продукты на монопольный рынокъ и, получая, благодаря этому, высшую заработную плату, поддерживаетъ старанія своего хозяина сохранить эту монополію, вредную для пролетаріата.

Все это побуждаетъ труженика къ солидарности съ своими хозяевами и всѣмъ буржуазнымъ обществомъ и препятствуетъ сознанію имъ своихъ основныхъ интересовъ.

Но, благодаря усиліямъ революціонеровъ, это сознаніе все-таки постоянно прогрессируетъ; а разъ массы, на сторонѣ которыхъ вся сила, сознаютъ свои истинные интересы, то они, конечно, немедленно переорганизуютъ весь соціальный строй. И не нужно для этого ожидать предварительнаго «гигантскаго роста противорѣчій въ капиталистическомъ обществѣ», «прорыва содержаніемъ оболочки», какъ заявляютъ соціалъ-демократы.

Соціализмъ не есть продуктъ капиталистическаго общества и не находится съ нимъ въ неизбѣжной генетической связи. Онъ возможенъ не только, какъ „кооперація сложнаго сотрудничества, но и, какъ кооперація простого сотрудничества и, въ видѣ артельнаго хозяйства, мыслимъ на низшихъ ступеняхъ техники.

Въ современной Россіи условія для пробужденія въ трудовомъ классѣ сознанія своихъ истинныхъ интересовъ чрезвычайно благопріятны. Деспотизмъ стараго строя си-

стематически подавлялъ индивидуальность въ массахъ, и поэтому онѣ легко поддаются вліянію сильныхъ сознательныхъ личностей, группирующихся для борьбы въ революціонныя партіи. Россія поэтому находится передъ громаднымъ революціоннымъ взрывомъ.

Сколько силъ разовьетъ русская революція—не предскажетъ никакой мудрецъ, и не дѣло борцовъ заранѣе ставить ей предѣлы. Революціонеры должны звать трудовой классъ къ борьбѣ за полный идеалъ, за всѣ требованія программы maximum.

Ограничиваться программой minimum не имѣетъ смысла еще и потому, что выставляемая ею соціализація земли неизбѣжно толкнетъ трудовой классъ и на дальнѣйшія завоеванія.

Захватъ земли крестьянствомъ вызоветъ страшное потрясеніе во всей системѣ буржуазнаго хозяйства, и прежде всего на биржѣ, гдѣ сразу обезцѣнятся всѣ ипотеки. Множество капиталистовъ разорится, фабрики станутъ закрываться и остановится вся хозяйственная жизнь страны.

Неизбѣжнымъ выходомъ изъ такого положенія явится захватъ фабрикъ и заводовъ, такъ какъ государственная власть будетъ тогда въ рукахъ представителей трудового класса—вѣдь только въ этомъ случаѣ могла бы быть проведена и предварительная соціализація земли. Противъ возможности соціализаціи фабрикъ и заводовъ выдвигаютъ слѣдующія соображенія:

1) Рабочіе не справятся съ организаціей предпріятія—тутъ говоритъ „простое презрѣніе къ рабочимъ... и разбирать это замѣчаніе нѣтъ смысла“.

2) Рабочіе не найдутъ кредита и сырья—и тутъ приходится лишь „пожать плечами“: капиталисты въ своихъ же интересахъ продадутъ рабочимъ все, что имъ будетъ нужно, какъ уже теперь продаютъ сырье на фабрики производительныхъ и потребительныхъ обществъ.

3) Рабочіе не сумѣютъ справиться съ рынкомъ; но

„то, что оказалось возможнымъ для буржуазіи, мы считаемъ вполнѣ возможнымъ и для трудового класса".

4) Рабочіе не выдержатъ иностранной конкуренціи, которая наводнитъ рынокъ дешевыми товарами и убьетъ все русское соціализированное производства,—но вѣдь государственная власть будетъ принадлежать представителямъ трудового класса, и, значитъ, можно будетъ установить соотвѣтствующія пошлины для ограниченія иностраннаго ввоза. Правда, программа minimum предлагаетъ полную отмѣну всякихъ пошлинъ, но это только лишній разъ доказываетъ всю ея непригодность.

Такимъ образомъ, для соціализаціи фабричнаго производства нѣтъ никакихъ препятствій, и „рабочіе должны захватывать фабрики и заводы, какъ крестьяне землю, не дожидаясь сигнала сверху, подавая сигналъ сами—снизу". „На обязанности учредительнаго собранія будетъ лежать только санкція захвата, съ объявленіемъ принадлежности захваченнаго всему обществу".

Мы не станемъ останавливаться на критикѣ этихъ наивныхъ положеній—они сами говорятъ за себя. Отмѣтимъ только, что практика максималистовъ вполнѣ соотвѣтствуетъ ихъ теоріи. Максималисты прямо начали съ практическаго осуществленія всеобщей „соціализаціи" путемъ насильственнаго захвата разныхъ частныхъ и общественныхъ денежныхъ ящиковъ. Имъ приписываютъ захватъ 875 тысячъ въ Московскомъ Обществѣ Взаимнаго Кредита и еще много другихъ болѣе или менѣе удачныхъ „экспропріацій".

Впрочемъ, весьма возможно, что для многихъ „экспропріаторовъ" максимализмъ явился только благородной ширмой далеко неидейныхъ побужденій. Но въ этомъ то и вся опасность максимализма, вмѣстѣ съ родственными ему теченіями анархизма разнуздавшаго всѣ дурные инстинкты и припаявшаго къ великому дѣлу народнаго освобожденія много грязныхъ, порочныхъ элементовъ.

XI.

Мы познакомились съ главными взглядами на русскую революцію и ея причины.

Оставляя совершенно въ сторонѣ „жидовско-интеллигентскую интригу“ монархистовъ, равно какъ и „работу динамическаго момента исторіи“ соціалистовъ-революціонеровъ, мы останемся при двухъ объясненіяхъ нашей революціи: идеалистически-правовомъ и матеріалистически-хозяйственномъ.

Гр. Витте, а за нимъ и всѣ кадеты видятъ причину революціи „въ нарушенномъ равновѣсіи между идейными стремленіями русскаго интеллигентнаго общества и внѣшними формами его жизни; Россія переросла форму существующаго строя и стремится къ строю правовому, на основѣ гражданской свободы“.

Соціалъ-демократы обоихъ толковъ тоже указываютъ на нарушенное равновѣсіе, конечно, только въ области всеопредѣляющей экономики: порожденныя стихійнымъ развитіемъ производительныхъ силъ новыя хозяйственныя отношенія не укладываются въ тѣсныя рамки политическаго строя, соотвѣтствующаго старымъ формамъ экономической жизни.

Оба эти объясненія хотя освѣщаютъ, каждое, только одну сторону вопроса, однако вполнѣ правильны. Русская революція, какъ и всѣ революціи, порождена нарушеніемъ равновѣсія въ народной жизни, и, что особенно важно, сразу во всѣхъ ея сферахъ: въ правовой, экономической и идейной; и поэтому она по своей силѣ оставляетъ далеко за собой всѣ революціи 19-го вѣка, въ которыхъ эти 3 фактора никогда не дѣйствовали сразу и съ одинаковой интенсивностью; въ этомъ отношеніи русскую революцію можно сравнить только съ французскою 89 года.

Россія великаго акта 61 года, порвавшаго прежнія прочныя связи между личностью и государствомъ, Рос-

сія раскрѣпощенная, стихійно вынуждаемая жить свободной гражданственностью.

Россія фабричнаго ситца и заводской сохи, почти повсюду вытѣснившихъ домашніе холсты и самодѣльные плуги, Россія милліардныхъ промышленныхъ оборотовъ и громадной сѣти желѣзныхъ дорогъ, создавшихъ новыя соціальныя силы.

Россія ежедневныхъ газетъ и сотенъ тысячъ народныхъ школъ, Россія могучаго роста самосознанія и мучительнаго исканія религіозной и нравственной правды.

Такая Россія не можетъ жить—должна задыхаться въ сжавшихъ ее цѣпяхъ стараго полицейски-крѣпостническаго строя, парализующаго всякую жизнь, всякое движеніе органическихъ силъ.

Уничтоженіе этихъ гнетущихъ цѣпей, созданіе новаго гибкаго строя, соотвѣтствующаго новымъ понятіямъ и отношеніямъ,—такова цѣль русской революціи.

Каковы же эти новыя понятія и отношенія, въ чемъ проявляется ихъ несоотвѣтствіе съ старымъ строемъ?

Вопросъ этотъ—громаднѣйшей важности. Правильно отвѣтивъ на него, мы откроемъ всю систему движущихъ нервовъ русской революціи.

Но о немъ не подумали ни кадеты, ни соціалъ-демократы. Выше мы видѣли, что ихъ программы и тактическія директивы, вовсе не связанныя съ ихъ основными взглядами на сущность революціи, висятъ въ воздухѣ.

Точно такъ же висятъ въ воздухѣ и ихъ претензіи на руководительство революціей. Жизнь не прощаетъ такого пренебреженія.

Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ выражается въ современной Россіи несоотвѣтствіе между идейными стремленіями и внѣшними формами жизни?

Для индивида — конечно прежде всего въ грубомъ стѣсненіи свободной иниціативы, въ полномъ подчиненіи личности начальственному произволу; а для всего на-

рода—въ интегралѣ безконечнаго ряда этихъ минусовъ, выражающемся въ подавленіи общенародной жизни, въ прищемленіи національнаго духа.

Общенародная революція поэтому всегда глубоко національна и сопровождается мощнымъ подъемомъ національнаго чувства. Самое понятіе *патріотизмъ* было порождено Великой французской революціей. Революціонеровъ тогда называли патріотами. Въ Германской революціи 48 года національная идея тоже играла главную роль, выдвинувъ на первый планъ необходимость общенѣмецкаго единенія.

У насъ же въ Россіи отъ революціи была съ самаго начала отнята эта ея главная сила, сплачивающая вокругъ нея всѣ классы народа *).

Соціалъ-демократамъ не полагается признавать что-либо, кромѣ своихъ производительныхъ силъ, а кадеты слишкомъ ухаживали за своими „союзниками слѣва“, чтобы провозгласить „непріемлемые“ для нихъ лозунги.

Точно такъ же совершенно не понятъ и другой двигающій нервъ русской революціи—противорѣчіе между новыми хозяйственными отношеніями и полицейски-бюрократическимъ строемъ.

Соціалъ-демократы сводятъ все вліяніе новыхъ хозяйственныхъ отношеній только къ нарожденію пролетаріата, которому, какъ воздухъ для дыханія, нужна политическая свобода, несовмѣстимая съ основами стараго строя. Что же касается буржуазіи, то, по мнѣнію соц.-дем., она сочувствуетъ революціи только потому, что разсчитываетъ захватить въ свои руки всю политическую власть.

А между тѣмъ вліяніе новыхъ хозяйственныхъ отношеній сказывается прежде всего въ обнаруживающемся

---

*) Нужно ли отмѣчать, что мы говоримъ объ истинномъ націонализмѣ, а не о поддѣлкахъ подъ него разныхъ Гринмутовъ и Крушевановъ.

несоотвѣтствіи производительности народнаго труда новымъ запросамъ отъ жизни.

Русскій крестьянинъ собираетъ съ десятины попрежнему 35 пудовъ зерна, хотя живетъ въ совершенно измѣнившихся экономическихъ условіяхъ: онъ долженъ гораздо больше покупать и платить, чѣмъ прежде—сильно увеличились налоги, поднявшееся самосознаніе велитъ перенимать городской укладъ жизни, съ пиджакомъ, сапогами, лампой и самоваромъ. Доходъ же увеличился очень мало да онъ и не можетъ увеличиваться при существующемъ политическомъ строѣ, обрекающемъ мужика на невѣжество, отдающемъ его подъ безконтрольную власть всякой чиновной сошки и тѣмъ лишающемъ его возможности встать на ноги и собирать съ десятины 90—100 пудовъ зерна, подобно крестьянину Запада.

Такое же несоотвѣтствіе производительности уровню жизненныхъ потребностей характеризуетъ и городского рабочаго. И тутъ отсутствіе правильныхъ школъ и общій духъ режима препятствуютъ рабочему поднять степень производительности своего труда до заграничной.

И такъ во всѣхъ сферахъ труда. И это тяжело чувствуется всей страной. Въ подъемѣ производительности народнаго труда заинтересованы и всѣ владѣльческіе классы; онъ сулитъ имъ соотвѣтствующій ростъ народнаго богатства и, слѣдовательно, расцвѣтъ промышленности и торговли.

Общій же подъемъ производительности труда достигается только культурными и правовыми реформами, всеобщей доступностью образованія, освобожденіемъ личности и ея иниціативы—вообще устроеніемъ и упорядоченіемъ всей жизни, веденіемъ ея въ прочныя правовыя нормы, исключающія всякое стѣсненіе и произволъ и возвышающія личность.

Но старый строй органически несовмѣстимъ ни съ просвѣщеніемъ народа, ни съ свободой гражданъ, и поэтому въ революціи, ставящей себѣ цѣлью осуществленіе тако-

го новаго строя, которому не нужно бояться ни просвѣщенія, ни свободы, могутъ быть непосредственно заинтересованы всѣ классы, и такая общенародная революція представляла бы собой непреодолимую силу.

Нуженъ былъ только толчокъ, и этотъ толчокъ былъ данъ маньчжурскимъ разгромомъ, всколыхнувшимъ всю страну и громко крикнувшимъ ей, что неладно въ государственномъ механизмѣ, что во всей жизни долженъ быть какой-то порокъ, какой-то роковой изъянъ. Отъ рѣзкой, мучительной боли проснулось народное сознаніе и стало вглядываться во всю окружающую жизнь, и всюду оно съ ужасомъ видѣло безправіе, матеріальную и духовную нищету...

Народъ прозрѣлъ, а тогда ему, подобно Цезарю, достаточно увидѣть, чтобы побѣдить, чтобы однимъ взглядомъ сразу уничтожить всякое вредное губительное средостѣніе между собой и Царемъ.

И, какъ мы видѣли, въ такомъ обновленіи государства заинтересованы всѣ классы, всѣ состоянія.

Но какъ кадеты пренебрегли общенаціональными лозунгами, такъ соц.-демократы отвергли самую возможность существованія внѣклассовыхъ задачъ.

И, повторяемъ, въ этой безнадежной слѣпотѣ людей, захотѣвшихъ быть руководителями, все несчастіе русской революціи.

Вмѣсто того, чтобы звать къ единенію, они стали искусственно возбуждать классовый антагонизмъ, натравливая рабочихъ противъ предпринимателей, крестьянъ противъ помѣщиковъ.

Вмѣсто національнаго подъема и общенароднаго обновленія, на сцену выступилъ туманный идеалъ соціализма, не имѣющій ничего общаго съ движущими силами русской революціи.

Что же удивительнаго, что изъ мирнаго торжественнаго шествія возставшаго отъ вѣкового сна народа къ свободѣ и обновленію, наша революція превратилась въ безсмысленную кровавую междоусобицу.

Насильственная, дезорганизующая, фанстастическая въ своей основѣ революція расплылась, какъ этого и слѣдовало ожидать, въ безформенную все разрушающую анархію, а такая анархія не могла не быть подавлена...

Но подавленіе анархія не есть подавленіе революціи. Революція можетъ закончиться только при устраненіи вызывающихъ ее причинъ, только при полномъ обновленіи всего строя русской жизни.

А это обновленіе можетъ быть достигнуто только дружной общенародной работой, въ которой объединились бы всѣ лучшіе русскіе люди безъ различія партій—мѣсто нашлось бы всѣмъ.

Было бы, поэтому, большимъ несчастіемъ, если бы вторая Дума оказалась, подобно первой, однобокой, и была бы окрашена въ тотъ или другой партійный цвѣтъ.

А между тѣмъ одни всѣ свои надежды возлагаютъ, что Дума будетъ сплошь черной, другіе, что сплошь красной. И ничему не научившіеся и ничего не позабывшіе кадеты на своемъ недавнемъ московскомъ совѣщаніи рѣшительно отвергли всякое соглашеніе съ партіями центра, союзомъ 17 октября и мирнымъ обновленіемъ, и высказались за тѣсный блокъ съ соціалистами.

Кадеты, такимъ образомъ, сами толкаютъ Союзъ 17 октября и Мирное Обновленіе *) въ объятья черной сотни.

Вѣдь практическая задача всякой политической партіи сводится къ тому, чтобы собрать на выборахъ для своихъ кандидатовъ возможно большее количество голосовъ и провести ихъ въ парламентъ, обезпечивъ себя такимъ путемъ извѣстное вліяніе на политическую жизнь страны.

---

*) въ № 202 „Рѣчи“ прямо заявляется, что „линія водораздѣла“ должна проходить между партіей Демократическихъ Реформъ и Мирнымъ Обновленіемъ: по одну сторону „линіи“ прогрессъ, по другую безпросвѣтная реакція.

Если же партія сознаетъ, что ея собственныхъ голосовъ для этой цѣли недостаточно, то она заключаетъ предвыборныя соглашенія со всякой другой партіей, которая бы на это захотѣла пойти. На Западѣ, поэтому, предвыборныя соглашенія—даже совершенно различныхъ по своей программѣ партій—являются общимъ правиломъ—не составляютъ исключенія и нѣмецкіе соціалъ-демократы, въ Баваріи уже много лѣтъ голосующіе вмѣстѣ съ столь ненавистнымъ имъ католическимъ центромъ.

Да и чѣмъ можетъ такое соглашеніе нарушить „бѣлоснѣжную чистоту принциповъ", которая такъ дорога кадетамъ? Вѣдь оно ничѣмъ не связываетъ партіи въ ея программѣ: обѣ договаривающіяся стороны только видятъ другъ въ другѣ меньшее зло, чѣмъ въ третьей сторонѣ, побѣда которой является для нихъ наиболѣе нежелательной.

А нужно ли еще доказывать, что величайшимъ несчастьемъ для Россіи была бы побѣда на выборахъ крайнихъ партій, какъ правыхъ, такъ и лѣвыхъ—и тѣ и другія ввергли бы страну въ форменную анархію—и что поэтому блокъ конституціонныхъ партій является единственнымъ исходомъ, единственнымъ залогомъ упроченія русской свободы.

Но вѣдь конституціонализмъ Союза 17 октября и Мирнаго обновленія, возразятъ кадеты, очень подозрительнаго свойства: эти партіи оправдываютъ роспускъ Думы, защищаютъ политику репрессій, и имъ не мѣсто въ Думѣ, которая должна быть непремѣнно оппозиціонной.

Кадеты все еще не хотятъ понять, что всякая Дума, хотя бы самая обывательская, если только она не состоитъ изъ черныхъ паразитовъ стараго строя, вдохновляемыхъ разными арендаторами казеннаго патріотизма, не можетъ не быть оппозиціонной по отношенію къ бюрократическому всевластью, уже по одному тому, что Дума прежде всего органъ новой власти, идущей въ разрѣзъ съ основами стараго строя.

Мы уже видѣли, что всѣ классы и состоянія, за исключеніемъ развѣ „дикихъ помѣщиковъ“, заинтересованы въ обновленіи государства, въ замѣнѣ бюрократическаго всевластья прочнымъ правопорядкомъ, обезпечивающимъ странѣ возможность широкаго культурнаго развитья, безъ котораго невозможенъ экономическій прогрессъ.

И если бы даже Дума состояла изъ однихъ сознающихъ свои истинные классовые интересы купцовъ, промышленниковъ, помѣщиковъ и другихъ собственниковъ, то и такая Дума смогла бы осуществить нужныя странѣ реформы, освобожденіе личности отъ полицейскаго произвола, всеобщность образованія, переустройство администраціи и суда и т. д.

Всѣ эти реформы дѣйствительно требуются властно и неумолимо самой жизнью и входятъ въ программу всѣхъ конституціонныхъ партій. Главная разница между союзомъ 17 отября и кадетами не въ требованіяхъ программъ, а въ тактическихъ пріемахъ.

И нужно признать, что антиреволюціонная тактика союза 17 октября, за которую его такъ упрекаютъ кадеты, гораздо ближе интересамъ буржуазіи, чѣмъ кадетская тактика „взаимодѣйствія“ съ крайними революціонными партіями. Дѣйствительно *сознательный* буржуа не можетъ сочувствовать насильственной революціи, дезорганизующей хозяйственную жизнь страны и никогда не будетъ видѣть въ соціалистахъ союзниковъ слѣва.

А безъ единенія съ такой *сознательной* буржуазіей не можетъ быть и мысли объ упроченіи въ Россіи конституціонализма.

Всѣмъ этимъ я, однако, отнюдь не хочу сказать, что только Союзъ 17 октября и мирнообновленцы могутъ „спасти“ Россію.

Россію „спасутъ“ не тѣ или другія политическія партіи, а только союзъ всѣхъ ея лучшихъ сыновъ и прежде всего ея интеллигенціи.

Подъ интеллигенціей я понимаю не отдѣльную группу

цеховыхъ политиковъ или лицъ либеральныхъ профессій, а совокупность лучшихъ людей всѣхъ классовъ и состояній, ясно сознающихъ положеніе родины и болѣющихъ ея болями.

Безъ интеллигенціи нѣтъ обновленія, помимо ея повиснутъ въ воздухѣ реформы, даже самыя благодѣтельныя и либеральныя.

Вѣдь всякая реформа, вводящая новые порядки, ставящая широкія массы населенія, темныя и безпомощныя, въ новыя условія жизни, для своего осуществленія непремѣнно требуетъ напряженной работы всѣхъ пока еще столь малочисленныхъ интеллигентныхъ силъ народа.

Можно ли осуществить помимо интеллигенціи всеобщность образованія, преобразованіе администраціи, даже хотя бы только такую „неполитическую мѣру“, какъ уничтоженіе чрезполосицы и переверстаніе крестьянскихъ надѣловъ.

Россію возродятъ къ новой жизни только то министерство и только тѣ партіи, которыя обопрутся на интеллигенцію. Безъ этого единенія нѣтъ исхода изъ переживаемаго страной кризиса.

Но интеллигенція должна отказаться отъ всякой мысли о насильственной революціи; прямо и честно должна она звать народъ къ успокоенію, къ мирному труду.

Это спокойствіе, этотъ внутреній миръ для бюрократіи опаснѣе всякихъ Кронштадтовъ и Севастополей, такъ какъ лишаетъ штыки и пулеметы, которыми теперь только она и держится, всякаго оправданія, всякаго raison d'être. Бюрократія тогда останется совершенно одна, въ ней перестанутъ видѣть защиту отъ анархіи, и вся безсмысленность продолженія ея всевластія будетъ ясна всѣмъ и каждому. Бюрократіи тогда остапется только подчиниться или удалиться вонъ“. И конечно, она предпочтетъ первое...

Повторится сентябрь 1905 года когда собирались „явочнымъ порядкомъ“ многотысячные митинги, открыто засѣдали

политическія партіи и съѣзды, а Держиморды только скрежетали зубами, чувствуя все свое безсилье передъ общимъ моральнымъ подъемомъ, не разъединявшимъ, а объединявшимъ народъ, не разстраивавшимъ, а устраивавшимъ его жизнь...

Правда, подъ залпы полевыхъ судовъ не легко говорить о мирѣ, о самообладаніи, но это все-таки единственный исходъ.

Выше мести за пролитую кровь, выше злобы на отдѣльныхъ преступныхъ лицъ мы должны поставить благо народа и упроченіе его свободы.

Цѣна 25 коп.

Складъ въ книжныхъ магазинахъ Карбасникова.
Москва.